

IX. Человек на севере

1. Путешествие к феномену. *Бригада «Литературной газеты»:*
*А.Левиков, **В.Переведенцев**, А. Смирнов-Черкезов, В. Травинский.*
«ЛГ» на берегах Оби».
2. Колыма и колымчане. *Бригада «Литературной газеты»:* *А. Левиков,*
***В. Переведенцев**, А. Смирнов-Черкезов, В. Травинский.*
3. «Арктика – головоломная задача».
4. Витамины для БАМа.

Бригада «Литературной газеты»:
А.Левиков, В.Переведенцев,
А. Смирнов-Черкезов, В. Травинский

ПУТЕШЕСТВИЕ К ФЕНОМЕНУ*

(«ЛГ» На берегах Оби)

23 марта 1964 года прибыли они в Сургут: первые тринадцать нефтяников — инженеры, буровые мастера, геологи-эксплуатационники и один бывший уголовник, только что вышедший из тюрьмы и желающий «начать жизнь сначала».

— Без него была просто дюжина, а с ним стала чертова, — говорит Лев Дмитриевич Чурилов, начальник Нефтеюганского нефтепромыслового управления (НПУ). — Но вскоре он ушел. Была дюжина, и нужно было сдюжить. А через неделю, 1 апреля — но не шутки ради! — к ним присоединился и я. Опять стала дюжина чертовой.

Лицо у Чурилова вытянутое, щеки привпалые, резко очерченный подвижной рот. Зачес отбрасывает назад прямые черные волосы. Зеленая шерстяная рубаша в обтяжку, полуспортивный костюм. Хороший постав головы на покатых плечах. Низкий хрипловатый баритон.

— Итак, три года назад... Мы пришли на голое место. Не было домов, бань, магазинов, и ни единого рубля на них еще не отводилось: фонд заработной платы — и только! Зато имелся план по нефти, и его надлежало исполнить немедленно. И еще засели в ушах, как рефрен, слова, с которыми нас сюда провожали: «Стране нужна нефть... Стране нужна нефть...»

Директор Сургутского совхоза отдал нам старую совхозную контору. В этой развалюхе все и разместились. Наняли четырнадцать рабочих, выпросили в совхозе пять топоров, бензопилу, начали рубить просеки, намечать улицы и дороги поселка. В долг обзавелись первой лошадиной силой: запрягал Дурасов (он сейчас начальник Сургутского нефтепромысла) сивку-бурку и гонял на ней в банк за зарплатой.

Самому старшему из нас было около тридцати. Сейчас рассказываешь, как мы начинали, — кое-кто сочувствует. А зря — жили мы здорово! Ни до, ни после не шутили и не хохотали столько, сколько в тот первый нефтяной сезон...

---

* Литературная газета № 19, 9 мая 1967 г.

По другую от Сургута сторону Оби, вокруг будущего Нефтеюганска, к лету 1964 года успели заложить семь скважин, В стремительном темпе бурились новые. Спали в недостроенной — без окон и дверей — крошечной деревенской школе. К концу третьей смены в белесые весенние сумерки к буровым подкрадывались волки, поблескивали глазами из-за кустов, тревожно принюхивались. На смену порой ходили с оружием.

«Стране нужна нефть...» До приезда Чурилов еще надеялся, что им, как в Поволжье, дадут время на обустройство. Здесь он понял: не успеть. Шестьдесят тысяч тонн нефти, записанных Нефтеюганску в план 1964 года, надо было выдать с лету, с ходу, почти без техники, транспорта.

А Обь меж тем вздувалась, расплзалась коричневой холодной волной, словно северный Нил, на все лето заполняя своим подвижным телом десятки тысяч квадратных километров вокруг. С юга от Тюмени и Омска рванулись сюда подкопленные за зиму караваны пароходов, танкеров, барж.

5 апреля появился Чурилов в Нефтеюганске, а 26 мая первая баржа с нефтью уже ушла в Омск. На десятки километров оба берега Оби заваливались миллионами тонн грузов. Тысячи людей копошились среди стройматериалов, стальных конструкций, автомашин, вездеходов, электромоторов, контейнеров с углем и мукой. Людям требовалось хоть где-то, хоть под каким-то укрытием спать. Технику следовало сейчас же собрать и пустить в ход: привести в движение курганы кирпичей, холмы гравия и песка, мощности дизелей и электродвигателей. А самое главное («Стране нужна нефть...») — план, план, план!

Это был труд, неоценимый в рублях и несоизмеримый ни с какой шкалой коэффициентов доплаты. Разношерстные отряды строителей, в большинстве не знакомые с нефтяным строительством, учась на ходу, выжимали из не приспособленных для местных условий механизмов куда больше, чем ожидалось. Нефтяники, поодиночке и группами пробирающиеся из Баку, с Поволжья, с ходу включались в kloкочущий ритм штурма. Словно сгустившийся вихрь энергии повис над Обью, обжигая и заволаживая души.

По всем нормальным технологическим и физическим нормативам они не могли из-под ржавых болот дать от нуля за сезон сразу шестьдесят тысяч тонн нефти, но они («Стране нужна нефть...») дали вдвое больше, они отправили в Омск к октябрю 1964 года 117 000 тонн!

И только после отправки последней предледной баржи в Нефтеюганске заложили первый восьмиквартирный дом...

— Такие вот наши вторые университеты, — говорит Чурилов. — Очень они расходятся с тем, чему нас учили в первых. Впрочем, поезжайте с Московцевым, посмотрите сами.

...Промысел, как и остальные тюменские промыслы, жметя к берегу Оби. Полсотни скважин разбросаны на небольшой площади. Маленький автобус, переваливаясь через ухабы, быстро несет нас по полю.

— Мы ежегодно утраиваем добычу, — рассказывает Олег Алексеевич Московцев, главный геолог НПУ (он говорит: «дóбьчу», как все нефтяники).

Ему, как и Чурилову, едва перевалило за тридцать. Он был в «чертовой дюжине» первых. Вскоре приехала жена, тоже нефтяник по профессии. Жили вместе со всеми в конторке сургутского совхоза. Потом добыли сруб избы, крыли ее сами, вдвоем («Интересное оказалось занятие, но времени не хватало, приходилось работать по ночам»). Только-только обжили домик — перевод в Нефтеюганск. Вновь общежитие. Когда жена мыла голову, он, как научили, загораживал ее пиджаком. Недавно получили квартиру в брусчатом доме — вот радости-то было!

На голове у Олега Алексеевича отличная желто-зеленая шапка-фуражка из нерпичьей шкуры, в Казани купил. Там институт кончил, там и женился. Работал старшим геологом цеха на промысле в Азнакаеве. В Сибирь ринулся, как только услышал об открытии нефти — не за рублем: выигрыш в зарплате невелик — за интересом, размахом, перспективой. На узком худом лице цепкие, откровенные глаза, серо-голубого, меняющегося от настроения цвета. Длинные пальцы, сильные в рукопожатии.

Автобус петлю за петлей раскручивает дорогу: от вышки к вышке, от скважины к скважине. Словно гигант по имени Современная Цивилизация вбил эти стальные ажурные в девственную долину, вдоль и поперек располосовал ее дорогами, рвами, трубопроводами, расшвырял, будто тунгусский метеорит, километры тайги к горизонту, властно застолбил свои права на делянки черного золота.

— Размах... — неопределенно соглашается Московцев. — Еще б к нему капитальность... Они ж у меня все, — он указывает на черные прочерки буровых вдали, — понимаете, все не обустроены! Не успеваем, нет сил, все забирает план, нефть! Грубо говоря так: где надо металл — я кладу камень, вместо камня — дерево, вместо дерева — веревочкой подвязываю. Да вот, к примеру...

Мы вылезаем у двух странных сооружений: на землю навалены стволы деревьев, на них стоят два высоких железных понтона, на понтонах покоится узкая платформа, накрытая брезентовой палаткой. Из-под брезента слышится лязг и грохот машин.

— При выкачке примерно двадцати пяти тысяч тонн нефти давление в пласте падает на одну атмосферу. Значит, после одного миллиона — на сорок атмосфер. Нефть перестает фонтанировать. Надо закачивать воду, чтобы поддержать давление. Мы выдали уже миллионы тонн нефти, а станции для закачки воды будут построены только в 1969 году. Вместо них ставим такие вот кустарные — на живую нитку — блоки, качаем, как при царе Горохе. Государству от них убытков около ста тысяч рублей ежегодно.

Нас обгоняют многотонные ревахи с капотами, укутанными, словно женские лица, в теплые полушалки. Тракторы кильваторным строем тянут прямо по снегу блестящие трубы. Канавокопатели, врезаясь в замороженную землю острыми лопастями, медленно пятятся через поле. Срез земли в канаве трехцветный: сверху полметра бурого — это торф, затем с метр бело-лилового — это промерзь, и за ней лишь начинается нормальный землистый оттенок. Выезжаем в лес и наконец распахивается тайга, и на обширной поляне гордо и будто бы даже гневно взметываются ввысь четыре гигантские башни цистерны. Это товарный парк, место сбора всей устьбалыкской нефти.

Отсветом, округлым ребристым контуром глянулись они нам с высоты при отлете из Нефтеюганска. Вдалеке темной россыпью домов, балков и землянок лежал сам поселок. Три года назад тут, в деревне, жили, по рассказам, шестнадцать человек. Теперь — приблизительно шестнадцать тысяч. Им сказали: «Стране нужна нефть...» И они вопреки и наперекор недоеду, недосыпу, бездорожью, бедам естественным и искусственным — напролом, навалом взяли на щит великую сибирскую нефть.

В маленькой тесной конторке Нефтеюганского промыслового управления секретарь парторганизации читал нам свои стихи.

Он не поэт, Леопольд Петрович Колупаев. Он нефтяник. Но вечерами в общежитиях ребята под гитару поют его песни. О девушке, без которой «пуста тайга», о том, что «над Юганкою, как над Волгою, те же зори, те же весны...». Здесь мечтают о невестах, о женах, оставленных «где-то на Большой земле». Зовут их в стихах, песнях, но только не в письмах. Письмо — это уже серьезно, а всерьез любимую приглашать сюда рановато: два квадратных метра на человека. Цифра, конечно, средняя, у некоторых больше, у иных и того нет — землянки оспой изрыли высокий берег Юганской Оби. Из крошечных окон «Земгорода», как тут говорят, иначе смотрятся «те же зори, те же весны», и поэтому в часы служебные, разбирая почту, автор стихов и песен сообщает мечтающим о романтике девчатам прозу жизни: «А кроме того, в Нефтеюганске очень трудно решаются вопросы с жильем...»

Живут и в балках из бревен или досок, и в вагончиках (один на две семьи)... В Сургуте не намного лучше. Воспитательница одного из общежитий нефтяников говорила нам: «Мы с мужем долго ничего подыскать не могли, а уезжать не хотелось. Пришлось за 250 рублей купить землянку у частника». Сопровождавший нас товарищ стал горячо уверять, что рассказ женичины «не типичен», она сама виновата — зачем дала обмануть себя спекулянту? Но мы-то знали, что и гостиница, в которой нас разместили, тоже по меньшей мере здесь не типична...

С этим оазисом комфорта мы познакомились, вернувшись из Нефтеюганска. В Сургуте ждал нас «круглый стол». Первый «круглый стол» новой «Литературной газеты» — в общежитии нефтяников. Попали мы «с вертолета на бал» — времени оставалось в обрез. Но за каких-то полчаса очаровательная Шурочка Шатюнкова, большая хозяйка маленького дома, как называла она себя, сумела нас привести в божеский вид: оказалось, что в ее гостинице без названия (сургутяне, острые на язык, называют ее «министерской») есть и ванна, и пластиковые полы, и торшеры, и все прочие удобства.

— Карета подана! — придирчиво оглядев нас, объявила Шурочка.

«Газик» ждал у ворот.

2**.

«Круглый стол» имел вполне квадратный вид. Он стоял посреди чистой уютной комнаты общежития сургутских нефтяников, где так хорошо было посидеть в тепле после всех этих больших, маленьких, поменьше и еще меньше самолетов и вертолетов, без которых сегодня немыслимо путешествие по Тюменскому Северу.

Расселись вокруг, кому не хватило стульев — на кроватях. В основном все молодые ребята — инженеры, рабочие промыслов, мастер с энергопоезда... Заглянули две женщины: «Можно нам?» — «Что за вопрос!» Ребята галантно встали, подвинули стулья. Договариваемся: председателя не будет, регламента тоже. Пойдет? Зашумели: «В самый раз».

Сразу же выяснилось, что очерк «Сургутские контрасты»^{***} многие читали. Мнение общее: написана правда. Мы говорим, что в редакцию пришло письмо, — строители считают, что неправильно о них написано. «Нет, в основном все правильно. Может, кому и обидно, но так есть на самом деле». Ясно... Ну, а как тут живет-работается?

** Литературная газета № 20, 17 мая 1967 г.

*** Автор очерка В. Травинский («ЛГ» N 3, 1967 г.).

Говорили допоздна и действительно без регламента — кто сколько хотел и о чем хотел: как тушили пожар в тайге, как приходится бегать по очередям — того нет, этого нет; как с ростом обстоит, можно ли выдвинуться; и о том, что вечерами некуда податься, и насчет работы, насчет зарплаты; кто почему приехал сюда — обо всем.

Молодой инженер сказал, что здесь, несмотря ни на что, здорово! Лесица, рыбалка. Ну, и потом необычность всего — и такой горячки в работе он прежде не видывал, и начинать на пустом месте интересно, романтики хоть отбавляй... «Когда тайга задымила, нас по тревоге подняли». Его спросили: «Слушай, а если ты женишься?» Замахал руками: «Упаси бог, мне здесь нравится, уезжать неохота...»

Жениться — это почти наверняка уезжать: куда с женой денешься? Предвидим, что нам возразят: живут же в Сургуте семьями, ничего страшного. Конечно, есть и семьи. В этом городе контрастов любой факт можно оспорить, сославшись на другой, того же порядка, но... с противоположным знаком. Нам называли десятки фамилий тех, кто остался, работает уже несколько лет. Целые бригады называли — и нефтяников, и геологов, и строителей. Это коллективы, сцементированные товариществом, чувством долга. Мороз ли, грязь ли, мошка ли — таким черт не страшен. Но, наверное, столько же называли фамилий уехавших, не пожелавших жить в балках, не одолевших тягот. Во всем этом разобраться, казалось, невозможно.

«Почему же, кое в чем можно и разобраться», — возразил наш бригадный социолог и начал расстегивать чемоданного образца портфель — походную картотеку. В прошлый свой сургутский приезд он целый месяц выписывал всю эту статистическую премудрость из личных дел, документов о прописке и выписке, разных служебных отчетов.

— Ну и что же скажет нам ваша цифирь, уважаемый ученый муж!

— Скажет, что в минувшем году в главке Тюменьнефтегаз работало около 18 тысяч человек. Из них уволилось более 13 тысяч и вновь было принято свыше 17 тысяч.

Мы прониклись уважением. Мы вдруг почувствовали, как в каждом из нас ворочается, просыпаясь, социолог.

Следующая часть нашего очерка будет социологической, решили мы единогласно.

Сибирская нефть обнаружена в местах малолюдных и совсем безлюдных. Поэтому новосел здесь — главная фигура. Население нефтяной столицы, бывшего райцентра Сургута, за три года утроилось. Несколько лет назад на весь Ханты-Мансийский национальный округ (там сейчас добывается нефть Приобья) приходилось 165 тысяч человек. Территория же округа — 523 тысячи квадратных километров — чуть поменьше

Украины. На Обский Север хлынул громадный поток приезжих: за два года население округа увеличилось на 40 процентов.

Новосел многолик. Это и опытный нефтяник из Татарии, и вчерашний сибирский колхозник. Это и каменщик, поработавший на десятках строек, и вчерашний выпускник профтехучилища. Это и солидный семьянин, и человек, убегающий от исполнительного листа. Молодые и пожилые, энтузиасты и скептики. Желаящие подзаработать и ищущие свое место в жизни. Прибывшие сами и направленные начальством. Приехавшие в одиночку и крепко спаянными еще на старых местах группами. У всех общие проблемы и у каждого — свои.

Из таких людей складывается население новых мест.

Резко преобладает молодежь. Даже в древнем Сургуте две трети взрослых — в возрасте 20—34 лет. Странно, что эта возрастная особенность населения нефтяной Сибири никак не учитывается в планировании. Молодежи нужны клубы, библиотеки — их крайне мало. Молодежи нужны спортивные сооружения — средства на них вообще не отпускают. (Единственный спортзал в Сургуте вынуждены строить под псевдонимом теплого склада.) Но что уж об этом говорить, если даже не берется в расчет динамика половой структуры населения.

Сейчас в Сургуте на 100 молодых мужчин приходится примерно 40 их сверстниц. Но женщины приедут — неизбежно. Возникнет проблема их трудоустройства — об этом пока никто не думает. Потребуется квартиры для семей. Через 2—3 года появится множество детей. Судя по другим районам нового освоения доля дошкольников в недалеком будущем окажется здесь в несколько раз большей, чем в старых городах. А яслей и детсадов пока почти нет. И даже в проекты закладываются усредненные нормативы потребности в детских учреждениях — на тысячу жителей, что заранее обрекает население новых городов на трудности.

Итак, трудности. Одни — абсолютно неизбежны. Их — хочешь не хочешь — придется преодолевать. Но есть и созданные искусственно. О первой и главной из них — острой нехватке жилья — мы уже говорили. Другая беда — неустроенность в самом широком смысле слова: плохо и с медициной, и с торговлей, и с культурным обслуживанием, и с элементарным бытовым.

Государственная торговля в Тюменской области кончается Тобольском. Дальше на север — царство ОРСов и потребкооперации. В каждом городе и поселке несколько ОРСов. В Сургуте их семь. И все они, за исключением двух, — карлики. Может быть, чем

больше ОРСов, тем лучше снабжение? Совсем наоборот. Ни один из них не имеет достаточно складов, ни один не может иметь специализированных магазинов, ни один не имеет холодильников. Каждый ОРС сам планирует свой товароборот, сам определяет круг потребителей, сам завозит свои товары, сам их реализует или портит — без всякой увязки с другими.

Одних товаров завозится много больше потребности, других не завозится вовсе. Доставка малыми партиями обходится дорого. Содержать собственный хороший транспорт карликовые ОРСы не в силах. Плохая организация торговли тяжело отражается на населении еще и потому, что рынок в этих местах отсутствует. Совсем. Если чего-то нет в магазине, то нет вообще.

В конце августа нефтяников и строителей все еще кормят осточертевшими им консервированными щами, а в марте уже нет картошки. Без холодильников летом нельзя торговать ни мясом, ни свежей рыбой. Выбор продуктов крайне ограничен. Много вина и водки. Кстати, это очень выгодный для ОРСов товар: выручка от продажи двух бутылок водки почти такая же, как от 30 литров молока. Доля водки в годовом обороте Сургута в два раза выше, чем в среднем по Союзу. Заинтересованность в продаже спиртного — результат оценки работы магазинов по выручке. Не знаем, насколько это правильно для страны в целом, для Севера же — явно порочно.

Отношение к торговле у новоселов разное. Однако всех объединяет недовольство обслуживанием. Постоянные очереди в столовой, невозможность отдать что-либо в починку, грубость продавца — это раздражает и местного жителя, и прибывшего из сибирского села, и вчерашнего горожанина из Европейской России.

Главная причина — низкая квалификация и недостаток работников в сфере обслуживания. Зарботки у них невысоки, как и везде, но на Севере есть своя особенность. У «бытовиков» еще и самые низкие районные коэффициенты доплаты — всего 30 процентов. В то время, как у нефтяников и строителей — 70. Оправдано ли это?

Зарботная плата. На Севере она выше, чем в других местах. Выплачиваются надбавки; отпуска длиннее; проезд раз в три года — бесплатный. Все вместе называется льготами. Слово это приобрело некий оттенок благотворительности, необязательности. Дело, конечно, не в названии. «Как розу ни зови, она все розой пахнет». Однако отношение к льготам, будто к чему-то необязательному, что можно дать, а можно и не дать, в полном ли размере дать или в половинном, — характерно и для тех, кто устанавливает размеры этих льгот.

В чем экономический смысл надбавок к заработной плате? Назначение районного коэффициента — восполнение необходимых по местным условиям дополнительных затрат (на питание, одежду, отдых и так далее). Расходы эти у продавца, врача, парикмахера не меньше, чем у строителя или нефтяника. Но люди, получающие самую низкую основную заработную плату, получают и самые низкие надбавки. Это не проходит безнаказанно и в конечном счете бьет по тому же нефтянику, о котором как будто больше всего и заботились.

Мы не знаем, какой коэффициент необходим и достаточен для Обского Севера. Это дело конкретных научных расчетов. Но знаем, что в одном районе он должен быть единым. Таков вывод многолетних исследований солидных научных учреждений. Его, кажется, никто не пробовал опровергать. Однако исправлять явные несуразицы не торопятся.

Следствие всех этих несуразностей, неустроенности быта — громадная текучесть кадров. Кривая текучести — тревожный симптом! — ползет не вниз, а круто вверх. В 1965 году уволилось 50 процентов работавших в системе Главтюменьнефтегаза, в 1966 году — уже 72 процента! Казалось бы, при таких темпах строительства, которые мы наблюдали в Сургуте и Нефтеюганске, условия жизни должны улучшаться. Почему же текучесть растет?

Размышляя над этим, мы пришли к выводу, что она и не может не расти. Ничего странного в этом несколько парадоксальном заключении нет: уже в самом планировании без труда обнаруживаются противоречия, прямехонько ведущие к росту текучести. Если в 1964 году на жилье и быт ассигновали сумму, составляющую примерно пятую часть от производственных расходов, то в 1966-м только десятую часть! Но это еще не все. Фактические вложения в жилищное, культурное и бытовое строительство оказались почти на четверть ниже плановых, в то время как производственные расходы намного превысили плановые.

Вот они, пресловутые ножницы, отрезающие для многих возможность остаться в новых нефтяных районах Сибири!

Текучесть по-своему формирует контингент работающих. Особенно это заметно у строителей, где на смену опытным кадрам нередко приезжают люди без специальности. Многие из них, едва освоив какую-то профессию, уже спешат в отдел кадров с заявлением об уходе. Отсюда убытки, убытки, убытки и острая нехватка квалифицированных рук.

— Все верно: с жильем, бытом действительно плохо еще, — говорили строители, которым нефтяники передали нашу бригаду, как эстафету. — Верно, но завтра наступит совсем иная жизнь. Сургут-то растет! Вы видели, как Сургут растет?

Нет, мы еще не видели. Так и условились: сначала посмотрим своими глазами, а потом уже встретимся с авторами разгневанного письма.

Имея 23 года строительного стажа (таков стаж у одного из членов нашей бригады), можешь быть уверен, что на стройках страны встретишь не менее 23-х старых знакомцев. Поэтому мы не очень удивились, когда оказалось, что главный сургутский строитель Владимир Иванович Кравченко и наш товарищ вместе когда-то строили заводы в горном Алтае. Тем охотнее Кравченко согласился быть гидом. Владимир Иванович управляет трестом, многие организации у него, генерального подрядчика, состоят в субподрядчиках. Так что чин у него большой, но сургутский стаж маленький — всего три месяца. Маленький и очень выгодный: можно хвастать всеми достижениями, а все грехи списывать на предшественников.

Однако, когда Кравченко возил бригаду в газике по Сургуту, он ничем не хвастал и никого не обвинял. Было заметно, что успел человек уже влюбиться в этот город. И еще очень заметно было, что встревожен, не очень-то рад весне.

Залитый солнцем, Сургут выглядел весело. Газик летел птицей, не разбирая дороги. Но шофер то и дело мрачно замечал: «С весны и до самых морозов тут не проедешь». И в поселке нефтяников, центральном здесь, когда мы ходили от одного строящегося дома к другому, начальник участка, опытный инженер и пионер из пионеров в Сургуте, говорил: «Скоро сюда никакая машина не пройдет».

Потом мы сидели в его чистенькой конторке, и разговор снова и снова возвращался к тому же — к дорогам, вернее, к грядущему бездорожью. «Как же так, — удивлялись мы, — вот существует уже большой поселок, осенью тысячи его жителей получают все, что нужно для культурной жизни, но какая может быть культура, если к магазину, к школе, к кинотеатру, от дома к дому даже иначе, как в болотных сапогах, не пройти? В чем причина, почему не строите дороги? Или сил у вас мало?»

— Сил хватило бы, — отвечали, — да нету денег. Нужно 3,5 миллиона на дороги, дали только 300 тысяч...

Тому, кто пожелает взглянуть на цифры годового строительного плана в Сургуте, сразу бросится в глаза какое-то крохоборство во всем. План этот похож на одеяло, сшитое бедной-бедной хозяйкой из крошечных лоскутков. Главная его идея — сэкономить на одном, чтобы выкроить какие-то рубли для другого. А в результате не хватает ни тому, ни другому. В итоге — опять убытки.

На всей территории поселка лежит торфяной слой толщиной от 40 до 70 сантиметров. Ясно, что слой этот нужно срезать и вывезти, а потом, где понадобится, насыпать плотный грунт — сделать, как говорят, вертикальную планировку. Ясно также, что срезать нужно если не сразу на всей площадке, что было бы лучше, то хотя бы с запасом на годовую программу. Так нет, срезают торф лишь под строящимся домом и на нескольких метрах вокруг. Почему? На всю вертикальную планировку не дают денег. Теперь уже и сама площадка, подобно плану, выглядит лоскутным одеялом.

Казалось бы, поднимают люди большое дело, за спиной у них огромная могучая страна, кровно в этом деле заинтересованная, а оглянешься вокруг — и не почувствуешь размаха. «Сургутгазстрой» так плохо вооружен, что похож на захудалый трест районного масштаба. Почти ничего из арсенала современной строительной техники в Сургуте мы не видели. Сплошь кустарщина.

Особенно наглядна в этом смысле постройка телецентра «Орбита», которым так гордятся в Сургуте. Нам радостно было узнать, что скоро люди здесь будут смотреть московские телепередачи через спутник «Молния». Замечательно! Но сама эта постройка (здесь работают опытные, добросовестные люди и ничего худого о них мы сказать не хотим) выглядит абсолютно безрадостно; тепляк, железная печка, около нее чумадые истопники, стремянка на второй этаж, носилки с кирпичом и бетоном в руках молодых парней. Советская радиотехника шестидесятых годов и — девятнадцатый век строительной техники. Такого контраста не забудешь.

А к чему приводят носилки и стремянки, известно давно и всем: низкая производительность труда, огромная текучесть, потребность в людях, превышающая всякие разумные нормы. Ну, скажите, неужели выгоднее привезти на Обь десять рабочих вместо одного передвижного компрессора или автокрана?

«Круглый стол» мы провели в одном из молодежных общежитий. Ребята побросали шахматные доски и бильярд, расселись вокруг нас, многие стояли — стульев не хватило. Говорили страстно и почти исключительно о плохой организации дела, о простоях, об отсутствии механизации. Ребята рвутся на трактор, бульдозер, на автокран, чтобы избежать непроизводительного, плохо оплачиваемого и тяжелого ручного труда, но техники нет, и администрация поневоле всеми силами стремится удержать их на ручных работах. Тяга к механизму — это знамение нашего времени. Но в Сургуте сегодня ставка не на машинную, а на мускульную энергию.

Так мы убедились в том, что само по себе перечисление построенных и строящихся объектов, которому в сердитом письме оппонентов придается значение важного, даже решающего аргумента в споре, на самом деле аргументом служить не может. Да, мы

видели все это — телецентр, широкоэкранный кинотеатр, больницу, школы, многоквартирные дома, — все то, что сооружается сейчас в Сургуте, и очень рады за Сургут, который третий год уже мучается без этих домов, без школ и больниц. Мы видели, что строители работают здесь много и хорошо, можно даже сказать — самозабвенно, но машин у них мало, но плохо со снабжением, но планируются и финансируются все эти работы через пень-колоду, но рост нефтедобычи сегодня и в плане на завтра по-прежнему опережает рост числа домов, школ, яслей, но... Обо всех этих «но» мы прямо сказали авторам сердитого письма.

У нас был долгий разговор с ними.

До чего же договорились?

3****

По общему согласию, какие-либо преждевременные выводы и заключения были в нашей бригаде запрещены. Здесь, в поездке, - только сбор информации. Собирали мы ее по определенной системе: на «круглых столах» разных уровней. Забегая вперед, скажем, что провели их всего шесть: два в рабочих общежитиях, потом с инженерами и бригадирами СУ, рассерженными авторами письма о «Сургутских контрастах», с партийными и хозяйственными работниками Сургутского района, с руководителями главков и научно-исследовательских институтов Тюменской области и, наконец, в Министерстве нефтедобывающей промышленности СССР. Но прежде – о нашем споре со строителями СУ-8, авторами сердитого письма.

Суть этого спора, как оказалось, - в разном подходе к одним и тем же явлениям.

Писать о сургутском нефтяном «буме» можно по-разному. Можно – и это будет правдой – преклониться перед стойкостью и мужеством тех, кто в канун пятидесятилетия нашей революции, в таких же почти условиях, как их отцы и деды, герои первых пятилеток, творят здесь, среди болот, в тайге, в бездорожье, новое русское чудо. Но можно – и это тоже будет правдой! – прямо посмотреть происходящему в глаза и понять, что не на голом энтузиазме, а лишь при помощи энтузиазма должно в наши дни строить, что никакому энтузиазму не помеха применение современной техники, забота о человеке, разумная очередность – все то, чего здесь так мало, так скупо отпущено энтузиастам.

И поскольку можно писать по-разному – по-разному и пишут. Нам приходилось читать всякие публикации о Сургуте – восторженные и тревожные, бездумные и озабоченные той большой, поистине государственной ответственностью за все, что происходит сейчас на берегах Оби. Мы признались нашим оппонентам, что последнее нам больше по душе. Поэтому и появились в нашей газете «Сургутские контрасты». [Теперь нам ясно, что автор хоть и прав в главном, но все же кое-в чем ошибся. Не стоило, например, писать об инженерах, будто они приехали в Сургут «позолотить пенсии». Это издержки полемики. И, может быть, автор несколько преувеличил в описании сургутского климата. Оказывается, летом там часто жара, а зимой хотя и доходит порой до -50, но вообще-то не дуже морозно. Мы пообещали сургутским строителям исправить эти ошибки].

**** Литературная газета № 23, 7 июня 1967 г.

И еще обещали им, в меру наших возможностей, бороться вместе с ними за комплексность, истинно плановое начало в завоевании природных богатств Западно-Сибирской низменности, за разумную рачительность и против бездумной скупости, оборачивающейся огромными потерями.

С этими мыслями и садились мы за очередной «круглый стол». Теперь уже диалог с «Литературной газетой» вели руководители тюменских организаций, участвующих в освоении берегов Оби.

Разговор был большой и обстоятельный – о самых насущных проблемах. Мы записали его подробно, но здесь, из-за недостатка места, приведем лишь некоторые, очень важные, на наш взгляд, мнения специалистов и ученых.

Л.И. Ровнин (лауреат Ленинской премии, главный геолог Главтюменгеологии): Мы открыли десятки месторождений нефти и газа. Но нефтяники за геологами не поспевают. Года через два опять соберется «круглый стол» и снова будем говорить, что, мол, осваиваем наспех, кое-как. А почему заранее не обустривать? Надо смотреть далеко – не за 1970 даже, а за 1975 год!

Ю.П. Баталин (главный инженер Главтюменнефтегазстроя): Строителям особенно важно знать, где будут новые промыслы, какие города, поселки, как с транспортом, связью, энергетикой. Нам ведь надо заранее готовить мощности, базу, иначе мы превращаемся в пожарную команду, да еще такую, у которой нет своих брандспойтов. Из-за того, что Госплан СССР не говорит окончательного слова о перспективах, могут возникнуть большие ошибки.

В.Ю. Филановский (главный инженер Главтюменьнефтегаза): Уже возникают. Линия электропередачи Тюмень-Сургут будет закончена к 1970 году, но потребность в энергии нефтепромыслов за это время возрастет настолько, что линия не сможет нужного количества пропустить. А мы без энергетика не можем существовать! Сургутская ГРЭС? Она даже в пятилетку не попала! Вот, что значит осваивать новый район, не имея комплексного перспективного плана.

Здесь нам хочется на минуту прервать разговор репликой. Сургутские строители, приславшие нам сердитое письмо, в числе прочего сообщают с гордостью о своих обязательствах ввести в эксплуатацию вторую очередь энергопоезда на 4000 киловатт. Так вот, товарищи строители, хоть и работаете вы на монтаже не щадя себя и это заслуживает быть отмеченным, но сам-то по себе энергопоезд – горький пример того, насколько хаотично и беспланоно решаются проблемы энергоснабжения новых нефтяных районов. Перевозка и монтаж поезда стоят полмиллиона, обслуживают его несколько десятков человек, энергия обходится втридорога, еще одним камнем ложась на себестоимость нефти. Тут впору бить в набат, а не в литавры.

Ю.П. Баталин: «Литературная газета» писала, что все строительство в Приобье держится на привозном сырье. Мы сейчас свою небольшую базу создаем в Сургуте и других местах, но это – капля в море. А где тринадцать заводов строительных материалов? Их в будущем году должны вводить в эксплуатацию, но даже проектов еще нет. Не утверждают титулы. Почему, говорят, решили их строить в Сургуте, а не в Нижневартовском? Еще не ясно, мол, где окажется центр промышленных районов. Перспективы-то не разработаны...

В.Ю. Филановский: Записано, что нам надо построить 300 километров магистральных дорог, а километр стоит здесь 600 тысяч. Значит, нужно 180 миллионов? Если строить путь к каждой скважине, это будет фантастический расход средств. Нужно принципиально иное решение: снегоболотоходы! В Канаде – наши товарищи были и видели – на такой технике нефтяники возят людей, грузы, все, что необходимо. А у нас лишь экспериментальный образец создали... Ни один институт технику для Западной Сибири не проектирует. Машины, что вы видели на промыслах, не годятся: мы их перемалываем. Сезон – и все ходовые части надо менять. Вопрос стоит так: без специальной техники сибирскую нефть не взять.

Ю.П. Баталин: Присоединяюсь к этому мнению. Мы лишь зимой прокладываем трубопроводы, поскольку совсем не имеем техники, способной проходить по болотам в летнее время. А будь у нас болотоходы-экскаваторы и трубоукладчики, мы бы все делали вдвое быстрее и ежегодно экономили 5-6 миллионов рублей. Не понятно, почему еще и сейчас надо об этом говорить, кого-то убеждать?

Что уж там толковать о болотоходах, если в Сургуте строители бедствуют с обыкновенными грузовиками? Если мы видели, как девчата из огромной кучи битого кирпича выбирают по штучке и кладут на носилки?

«Кирпичик шепчет в руках» - говорила нам Тамара Александровна Лыпагина, начальник СУ-9. Кстати, большая редкость, чтобы женщина командовала строительным управлением. Во всей стране, наверное, таких по пальцам можно пересчитать. Но Тамара Александровна – красивая, элегантно одетая, полная энергии – лихо справляется со своей армией каменщиков, плотников, штукатуров, подсобниц. Много лет заведовала она отделом в управлении, а потом надоело сидеть в конторе – пошла верховодить на площадку. О таких, как она, надо бы подробнее рассказать, но приходится возвращаться к делам печальным, символом которых может служить ну хотя бы вот этот «шепчущий» кирпич.

О чем он шепчет? О том, что сработали его в Омске и по Оби на барже привезли сюда, в Сургут. С лета валялся он в куче, но не развалился, как большинство его

собратьев, а лишь потрескивает – «шепчет». И в злосчастном этом омском кирпиче, как в зеркале, отразилось лавное сургутское противоречие: куцые возможности при гигантском спросе.

Почет Сургуту создали превеликий, а «жалованье» ему положили – стыдно сказать. Тут даже не в деньгах дело. Тут поражает другое: удивительная скупость на подлинное внимание. Разве не видели мы великих строек, куда могучая страна в достатке посылала лучшую свою технику? Что, у нас нет опыта концентрации на узком участке, если понадобится, сил лучших инженерных и научных коллективов? Почему же так медленно, так кустарно решаются проблемы, о которых мы слышали в Нефтеюганске, Сургуте, Тюмени? Или обский феномен, от которого зависит судьбы завтрашнего топливного баланса страны, может пока подождать?

В.Ю. Филановский: Нет, нас торопят и очень торопят. За пятилетку мы должны поднять добычу с нуля до двадцати пяти миллионов тонн нефти. Представляете, что такое 25 миллионов? В Азербайджане промыслы существуют свыше ста лет. За сто лет они достигли своего максимума – 21 миллиона. Татария уровня в 25 миллионов тонн достигла за девять лет. Но там же компактные месторождения, вполне приличный климат, рядом с железными дорогами, большие ресурсы рабочей силы! И все-таки девять лет. Нам же отпущено всего пять. А условия у нас...

Ю.П. Баталин: Приходится одной рукой братья за многие дела. Помимо Сургута и Нефтеюганска, где вы были, начали одновременно строить в Урае, Мегионе, Нижневартовском, Тазовском, Игриме. И везде нужны водопровод, канализация, энергетика. Словом, это серьезная работа, не семечки. А что такое Главтюменнефтегазстрой? На голом месте созданная организация, в розницу укомплектованная. Когда районы Татарии осваивали, переводили на новые места целиком тресты. Поэтому там быстро шло дело. А здесь у нас 27 строительных управлений, и все созданы заново. Но ведь на организацию хорошего управления нужно пять лет! При такой спешке мы, естественно, со многим не справляемся.

Д.И. Трошков (директор института Тюменгражданпроект): Жилье, культурное строительство – вот что страшно отстает, а должно бы опережать. Надо заранее составлять схемы расселения, заблаговременно, обдуманно строить поселки. Но сейчас никто не берется сказать точно, на каких перспективных месторождениях и когда именно будут организованы новые промыслы. Скорее можно говорить о стихии ведомств, чем о комплексном плане.

В.Ю. Филановский: Принято считать, что в Западной Сибири наука оказывает производству колоссальную помощь. Но что касается нефти и газа, то тут постановка

научно-исследовательских работ просто никуда не годится. Даже Сибирское отделение Академии наук лишь чуть-чуть задело проблемы развития Западно-Сибирской низменности. Ведущие институты страны нас не жалуют.

Г.П. Богомяков (заместитель директора института ЗапСибНИГНИ): Да, Сибирское отделение Академии наук СССР безучастно к нашим проблемам. Но я хочу покритиковать и Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Все эти годы мы ждали, что вот-вот СОПС разработает генеральный комплексный план. А в конце прошлого года приходят от них из Москвы... «исходные положения», а самого-то плана, оказывается, и в помине нет. СОПС занимается этой проблемой на словах. Да одному ему, признаться, это и не под силу. Науку надо подключать – большую науку! А конкретные расчеты комплексного плана следует поручить совместно группе проектных институтов. Координирующий центр, «хозяин», как его называли в «Литературной газете», пусть работает над методическим руководством СОПСа и организационным – Госплана, чтобы от их имени объединить всех, причастных к освоению Западно-Сибирской низменности.

Здесь, нам кажется, более чем уместно вспомнить слова Владимира Ильича Ленина, еще в двадцать первом году указывавшего на необходимость комплексного развития экономических районов.

«Правильно ли ставится в Баку вопрос о нефти с точки зрения согласования разных сторон народного хозяйства? - писал В.И. Ленин председателю правления «Азнефти» А.П. Серебровскому. – Ведь край богатейший: леса, плодородная (при орошении) земля и т.п. Качаем воду (с нефтью) и не употребляем эту воду на орошение, которое бы дало гигантские урожаи сена, риса, хлопка?.. Можно ли развивать нефтепромышленность, не развивая орошения и земледелия вокруг Баку? Думает ли кто и работает ли кто над этим как следует?..»

Сейчас речь идет не о бакинской нефти, а о сибирской. Но и сегодня ленинский вопрос звучит так же остро: комплексность – думает ли кто и работает ли кто над этим как следует?

А.А. Шкуро (главный инженер института НИИлесдрев): Я все ждал: скажет ли кто-либо о лесе? У нас тут демонстрируется образец ведомственного подхода, а толкуем о комплексе. Но это в шутку. Если же серьезно говорить, то как же можно забывать о том, что в Тюменской области 4,7 миллиарда кубометров леса? Здесь у нас в два раза больше леса, чем, скажем, в Финляндии, но финны заготавливают 40,5 миллиона кубометров, а Тюмень – около 9 миллионов. Лесные сокровища Оби, в сущности, еще нетронуты. Но сейчас из-за нефтяной и газовой лихорадки о них начинают забывать. Химической

переработки древесины в области вообще нет. Иной раз в восторженных репортажах газетчиков читаешь, что «в будущем тут поднимутся трубы лесохимических гигантов». Где поднимутся? Когда? Госплан-то помалкивает! А если бы в краю нефти и газа по-серьезному спроектировать и построить предприятия лесохимии, вы представляете, какой был бы эффект? И делать это надо уже сейчас, много времени упущено. Нефтегазовый флюс – опасная болезнь, нужно все отрасли развивать планомерно.

П.Н. Загваздин (начальник территориального управления рыбной промышленности): Рыба, как известно, молчит. Я скажу за нее. Мечтаем о комплексе, об идиллическом «союзе ведомств», а в это время лесники у нас уже уничтожили половину нерестилищ. И Омский нефтеперерабатывающий завод уничтожил возле себя все нерестилища осетра, стерляди, нельмы. Завод этот работает второй десяток лет и не может закончить строительство очистных сооружений. Мы проверяли – десятки миллионов рублей, отпущенных на очистку, сибирские предприятия почти не используют. Через пять лет у нас ни осетра, ни нельмы днем с огнем не найдешь. Уже недобираем в своем бассейне много ценной рыбы. И ведь о каком бассейне идет речь! Уникальном! Мы даем стране около 40 процентов ценных пород рыб. Только некоторые озера Америки могут конкурировать с нами. Но что с этим бассейном случилось за последние годы! Я бы просил представителей уважаемой газеты как можно резче высказаться об этом. Вот пример. В одной из бухт Обской губы, как раз там, где нерестилища сиговых, в воду сбросили разом 500 тонн бензина и солянки. Кому-то, видите ли, понадобилось очистить судно. А то, что минимум на пять лет вывели из строя нерестилища, это, по их мнению, ерунда. Теперь мне говорят: чего вы шумите, мы вашему правлению заплатим. Отчего бы им государственные деньги не заплатить? Какой им убыток? А то, что по берегам этой губы живут люди, в питании которых рыба составляет 80 процентов рациона, на это им тоже плевать. За такие дела судить надо!

Нам хочется нащупать логическую нить в этом клубке ведомственных противоречий. Должна же быть хоть какая-то логика!

Нефтяники загрязняют Обь. Чем это кончится для рыбы, известно, но об этом молчат. Зато другая строка плана требует в полтора раза увеличить улов обской рыбы. Как, за счет чего? Есть ли тут логика? Тюменские рыбники предлагают: давайте, пока не поздно, «переселиться» на озера, а то совсем останемся без ценных пород. Им сочувствуют: да, да. А денег на озерное рыбоводство, на рыбзаводы не дают. Дадут, когда уже некому будет переселиться. Есть ли тут логика?

На все нужды денег не хватает – всегда в первую очередь выдвигают именно этот аргумент. Но тогда зачем терять миллионы на «перемалывание» непригодной для здешних мест техники, а не создать специальную технику, как, например, в Канаде? Зачем нести фантастические

потери из-за текучести рабочей силы, а не построить все, что требуется для жизни людей? Зачем терпеть бешеные убытки на перевозке за тысячу верст материалов, а не построить прежде заводы стройиндустрии? Есть ли тут логика?

Может, нет понимания того, что без толкового, истинно научного комплексного плана, рассчитанного на длительную перспективу, в наше время выходить на освоение таких территорий, как Западно-Сибирская низменность, по меньшей мере легкомысленно? Но тогда почему же все, куда ни придешь, - и в Сургуте, и в Тюмени, и в Москве, - первым делом говорят о комплексе? Мы не встречали ни одного противника комплекса. Министерства – за! СОПС – за! Академия наук, конечно же, - за! Госплан говорит, что он тоже за! А важнейшие партийные и правительственные документы просто требуют научного, комплексного подхода. И все же комплексного плана нет. Где же тут логика?

Может, так напряжен наш нефтяной и газовый баланс, что решили форсировать добычу, не считаясь ни с какими затратами и потерями? Взять нефть сегодня же, немедленно, а там будет видно!

С этим последним вопросом мы и пришли в Министерство нефтедобывающей промышленности СССР. Нам казалось, что именно в дефиците нефти прячется какое-то оправдание столь расточительной торопливости, с которой рвемся мы к подземным кладовым Приобья. Но руководители министерства разъяснили: нет, дело не в этом. Нефть, разумеется, нужна, однако происходящее в Сургуте объясняется иными причинами. Какими? Технологией добычи нефти, услышали мы, едва веря своим ушам.

Нам терпеливо внушали: в нефтедобывающей промышленности геологическая разведка не дает окончательного представления о запасах, первые промышленные скважины, в сущности, являются экспериментальными. Лишь добыча в сравнительно крупных масштабах покажет истинную ценность месторождений. Как же можно вначале построить поселки, дороги, а вдруг там нефти окажется мало? Нет, сначала начни добычу, доразведай как следует, а потом уж не спеша обустраивайся.

Вот это все нам и разъяснили. Руководители министерства (три заместителя министра и начальники ведущих главков) проявили большое внимание к «Литературной газете». Разговор продолжался около двух часов. Мы тоже получили возможность высказать свое мнение. И теперь хотели бы повторить его для всех.

Итак, все дело в технологии добычи нефти? Допустим. Но почему тогда месторождение в Елабуге сначала полностью обустроили, приготовили все необходимое – и для людей, и для промыслов, - а лишь потом начали эксплуатировать? Об этом нам рассказали сами руководители министерства. Правда, нельзя сравнивать, оговорились они: то было возможно потому, что рядом находились другие крупные месторождения, откуда во время обустройства Елабуги качали нефть. Иначе говоря, было чем компенсировать временный «простой» Елабуги. Пусть так. Но, позвольте, какое это имеет отношение к т е х н о л о г и и добычи? Значит, принципиально можно начинать с обустройства, а не с добычи? И разве не о том же самом говорит зарубежный опыт? Да и

вообще: как же может само министерство вкладывать в тюменскую нефть такие длинные миллионы, если ему неведомы запасы?

Тут не сходятся концы с концами. Ясно, что не о «доразведке» идет речь, а о самой обыкновенной промышленной добыче, проходящей, увы, в столь необыкновенных условиях.

Хотя руководители министерства с нами и не согласились, но мы твердо убеждены в несостоятельности ссылок на нефтяную технологию, заставляющую бухать в болота зря миллионы рублей, работать без подходящего оборудования, транспорта, без хорошей связи, при нехватке энергии, жить даже в землянках и балка́х.

Все это пахнет бесхозяйственностью, нерасчетливостью, небрежением законами экономики. Не раз нам уже такое небрежение мстило, мстит и сейчас.

Однако как поступить теперь? Нефть уже добывают всюю. Прошло время, когда еще не поздно было законсервировать до поры месторождения и начать нормальное обустройство их. Но мы уверены: разговор этот очень полезен. Урок Сургута, надеемся, поможет избежать тех же ошибок при освоении других богатейших месторождений Западной Сибири, да и не одной лишь Западной Сибири! А потом ведь и в самом Сургуте, как мы только что убедились, тысяча и одна проблема ждет решения.

Коллективное общественное обсуждение, к которому зовет наша рубрика «ЛГ» на берегах Оби», - это тоже путь к выработке правильных решений. Мы не считаем свое слово окончательным. Дверь остается открытой. Пусть выскажутся все, кого волнует судьба Западно-Сибирского феномена. Довольно уже рассказывали в прессе о богатейших кладовых Приобья, об «экономической сенсации века». Теперь недостаточно восхищаться богатствами – надо деловому обсуждать, как разумнее взять их.

Нефтеюганск – Сургут – Тюмень – Москва

КОЛЫМА И КОЛЫМЧАНЕ

1*

Об этой земле больше рассказано, чем написано, хотя и написано немало. Печатные слова как-то поистерлись в памяти, а эпос живет и множится.

В представлении большинства людей с «материка», как бы здесь сказали, земля эта выглядит чем-то очень далеким и неизвестным, одновременно и пугающим, и манящим, - куда едут разве что в погоне за длинным рублем. Иной раз в часы застолья можно услышать удалые, отчаянные или тоскливые песни, в разное время рожденные Колымой. А новые ее песни до «материка» еще не дошли.

Трудная судьба этих мест породила немало удивительных легенд. И правда состоит в том, что большинство из них – правда. Но времена меняются...

Поводом поехать на Колыму послужило для нас одно совещание. На Дальнем Востоке стало традицией собирать на несколько дней ученых, хозяйственных и партийных работников для взаимного обогащения опытом и идеями, для совета и тщательного обсуждения проблем, стоящих перед областью или краем.

В Магадане за последние десять лет это было уже третье такое совещание. Ставятся они на широкую ногу – представители всех научных центров Российской республики, всех районов области, пленарные заседания, работа секций, толстая, с каждым разом толще, папка докладов, - словом, почище, чем на ином столичном симпозиуме.

После магаданской должна была состояться, и состоялась, такая же встреча ученых и практиков на Камчатке (были мы и там), готовятся к совещаниям на Сахалине, в Хабаровске.

И в самом деле, невозможно сегодня грамотно руководить хозяйством, строить жизнь, планировать далекую перспективу в столь обширных, но малонаселенных районах без научного исследования и анализа их экономики, социальных явлений, этнографии, геологии, климата. Впрочем, только ли в далеких, малообжитых местах нашей страны необходимо это? Не подают ли дальневосточники пример и многим другим областям, казалось бы, хорошо изученным, а на самом деле далеко не всегда и не во всем?

---

* Литературная газета N 36, 4 сентября 1968 г.

На совещании экономический и социальный механизм Магаданской области был разобран, что называется, до последнего винтика, и каждый такой винтик промыт, взвешен, изучен с беспристрастием и хладнокровием.

«Валютный цех СССР»

Колыма – главный золотой район страны, «валютный цех СССР». Здесь добывают еще много олова, вольфрама, начинают брать ртуть, ловят рыбу и разводят оленей – их уже миллион, третья часть нашего оленьего поголовья. И все же впереди всего и над всем – золото. Добычу благородного металла ведут около сорока крупных механизированных предприятий, объединенных в шесть горнопромышленных управлений. Нет, мы не будем сравнивать прошлую и нынешнюю технику золотодобытчиков. Не будем хотя бы потому, что сегодняшние экскаваторы, бульдозеры, гидроэлеваторы, драги просто-напросто не с чем сравнить. Техники не было. Лауреат Ленинской премии начальник объединения «Северовостокзолото» В.А. Березин в одной из своих статей вспоминает, что «основными средствами разработки грунтов были лом, кайло, лопата, а на транспортировке торфов и песков – тачка и грабарка. Короткое лето вынуждало вскрывать полигоны и в зимний период...».

А теперь попробуйте представить все это: шестидесятиградусный мороз, узкие расщелины диковатых, пустынных гор и человек с кайлом и лопатой, стоящий на стометровом слое вечной мерзлоты.

Надо понять, «кожей» почувствовать такое, чтобы в полной мере осмыслить и оценить масштаб происшедших здесь за последние годы перемен. И когда мы слышим на магаданском совещании цифру «86» - процент роста добычи золота за минувшие пять лет, когда мы слышим от экономистов, что «развеян миф о затухании золотой Колымы», мы радуемся, не можем не порадоваться вместе с колымчанами: рывок этот сделан не кайлом, не лопатой, не тачкой. Современный гидроэлеваторный прибор способен промывать свыше полутора тысяч кубометров песков в сутки!

А ведь их приходится мыть все больше и больше, этих самых песков! Добыча золота растет быстро, но количество его в песках не менее быстро падает. Если принять за 100 процентов содержание золота в песках, промытых в 1936 году, то к концу войны оно снизилось в 2,7 раза, к 1950 году – в 7,2 раза, к 1955 году – в 9,4 раза... Эта кривая и по сей день стремительно бежит вниз... Тут мы затрагиваем одну из самых больших колымских проблем, о которых говорили ученые на совещании в Магадане.

Логика проста: приходится в десятки раз больше перебивать песков, чтобы поддержать прежний уровень золотодобычи. Но в том-то вся и штука, что прежний

уровень никого теперь не устраивает. Стране нужно золото. Стране нужно много золота! На Колыме в ход пошли уже так называемые «техногенные россыпи». Это – отвалы, «хвосты» прежних примитивных разработок.

Но чтобы перерабатывать все больше и больше горной массы, нужно, естественно, и больше электроэнергии. В это сейчас упирается рост золотодобычи.

Ахиллесова пята

Электроэнергетика, по общему признанию, - самое слабое место Колымы, ее «ахиллесова пята». Станции маломощны, оснащены устаревшим оборудованием, работают, главным образом, на дорогом, дальнепривозном угле. Один киловатт обходится промыслам в 60 копеек – в десятки раз дороже, чем в развитых районах. В некоторых местах потребление электроэнергии строго лимитируется.

Пока энергетический голод пытаются ликвидировать срочными и незначительными мерами: расширяются старые станции, собираются установить две плавучие ТЭЦ, строят первую небольшую атомную станцию. Все это позволит «продержаться» лет пять-шесть. Необходима крупная и экономичная станция. Разговоры о ней идут давно. Единственно реальным вариантом до недавнего времени считалась ГЭС на Колыме. Однако пока там ведут лишь изыскания. А строить ее будет дорого и трудно, судя по опыту, пройдут многие годы, пока она войдет в строй.

На совещании был выдвинут другой вариант – большая электростанция на якутском газе. Если построить мощный газопровод (и газ не только сжигать на станции, но и в жидком виде продавать за границу), Колыма получит дешевую и обильную энергию.

Предложение очень заманчиво. Однако оно при обсуждении не вызвало энтузиазма у самих колымчан. Начнутся, мол, сравнения, экспертизы, споры, дело затянется, и мы не будем иметь ни ГЭС, ни ГРЭС.

Может быть, именно тут сказалась характерная черта нашей практики освоения Севера – крайне слабая научная и проектно-техническая подготовка. В последние годы много говорят о больших возможностях, которые открывает применение электронно-вычислительных машин. Можно, дескать, сравнить несчетное количество вариантов и выбрать оптимальный. При освоении Севера вообще никакие варианты не сравнивают. К этому привыкли. Принимается тот проект, который есть. Сравнить его просто не с чем. Так может получиться и с Колымской ГЭС. Настойчивость Гидропроекта известна. Будет ли это оптимальным вариантом – аллах ведает.

На милость того же аллаха остается уповать и колымским геологам. Приrost разведанных запасов золота относительно невелик, причем в основном найдены россыпи, не очень-то богатые металлом. Разумеется, их еще хватит на многие годы, но если говорить о более отдаленной перспективе, о завтрашнем дне, то все признают, что на россыпях далеко не уедешь. Есть ли выход? Или, может быть, рано заговорили о том, что преодолено «затухание» золотой Колымы? Нет, выход есть, и до «затухания» золотодобычи на Северо-Востоке пока, ой как далеко. Ведь на Колыме повсюду находят признаки рудного золота.

Открытия последних лет позволяют считать Магаданскую область, выражаясь языком геологов, крупнейшей золоторудной провинцией мира. Рудной, это мы подчеркиваем. Но одно дело – перспективные оценки, а другое – разведанные месторождения. Если бы довольно обоснованные прогнозы ученых геологи подтвердили весомо – сдачей в эксплуатацию новых богатых месторождений рудного золота, - то это могло бы изменить весь характер развития производительных сил Магаданской области.

Надо, надо форсировать геологоразведку! Ведь даже первые поиски дают обнадеживающие результаты! Всем уже это ясно. Ясно, а геологи Колымы в основном ищут... россыпи. Именно сюда направлены их главные силы и средства. Хотя и сами они прекрасно понимают, что в перспективе эти россыпи не обеспечат высоких темпов развития золотодобывающей промышленности.

Отчего же до сих пор в разведке не сделан поворот в сторону коренных месторождений? Почему такое невнимание к главной надежде Колымы? Почему не подтверждается делами уверенный прогноз о том, что запасов золота в руде здесь намного больше, чем в россыпях?

На магаданском совещании некоторые из наших крупных ученых говорили: мы совершаем большую ошибку, не уделяя должного внимания рудной базе колымского золота. Вот достойное сожаления сравнение: по прогнозам, рудное золото составляет половину всех колымских золотых запасов, и скорее всего эта оценка занижена, потому что мы очень мало пока знаем про рудное золото, а геологоразведка тратит на поиски его лишь пятнадцать процентов отпущенных ей средств. Добывают же на Колыме рудного золота и того меньше – пять процентов.

Фактически здесь нет крупных месторождений рудного золота, подготовленных для добычи. Но ведь разведка, а потом проектирование и строительство рудников – дело трудное, длительное. Так возникает проблема цейтнота. С ответственной трибуны ученые высказались вполне определенно: «Предложение сводится к тому, что нужно доказать в

соответствующих плановых органах необходимость выделения значительных средств для геологической разведки рудного золота Колымы и Чукотки».

А пока что масштабы разведки остаются прежними – у геологов Колымы не хватает элементарнейших средств транспорта, связи, поисковой техники.

«Если вы побываете в геологических партиях на разведке рудных месторождений золота, - сказал первый секретарь Магаданского обкома партии тов. Шайдуров, - то вы увидите, какая там убогость. К сожалению, этот вопрос не можем мы никак решить. Я думаю, что нужно оказать помощь колымским геологам».

И мы думаем так. Думают так и крупнейшие ученые, убедительно доказавшие на совещании крайнюю необходимость срочно форсировать поиски рудного золота. Среди прочих соображений в пользу этого выдвигались и доводы, связанные с конъюнктурой на мировом рынке золота.

Рынок золота

За последние двадцать лет международный товарооборот вырос в три с половиной раза, а запасы золота - лишь на двадцать процентов. Цены на многие товары растут, но золото стоит столько же, сколько оно стоило прежде. Цена на него не движется. И поэтому добыча золота для капиталистов становится все менее выгодной. По прогнозам крупнейших специалистов мира, в ближайшие десять лет, если не будет серьезного изменения цены на золото, добыча его сократится примерно на двадцать процентов.

В то же время золото все быстрее течет в частные сейфы. По расчетам некоторых институтов, до 1963 года в частные руки попадало примерно 50 процентов прироста золота, добываемого капиталистическим миром, а с 1964 года – уже 70 процентов. Любопытно, что за десять лет до девальвации фунта стерлингов в частные сейфы уплыло 7,5 тысячи тонн золота, а начиная с 1967 года за очень короткое время – уже более 20 тысяч тонн.

Есть еще и третья группа факторов, способствующих изъятию золота из международного оборота. Оно находит все большее применение в промышленности. За последние годы использование золота в этих целях возросло в несколько раз.

И все это происходит на фоне усиливающейся неравномерности развития капиталистических стран – тем быстрее нарастает кризис валютной системы капитализма. Как известно, уже возникли два рынка золота – официальный, где оно продается по 35 долларов за унцию, и «свободный», где цена моментами поднимается до 45 долларов за унцию. По мнению специалистов, дальнейшее развитие этого кризиса неизбежно

приведет к повышению мировой цены на золото, возможно, в полтора-два раза – до 60-70 долларов за унцию.

Понятно, что страны – производители золота, в том числе и наша страна, один из крупнейших в мире золотодобытчиков, от этого получают очень серьезный выигрыш.

Так что именно сейчас пришло время всесторонне обдумать и составить развернутую программу роста золотодобычи на северо-востоке СССР.

Все эти суждения о проблемах золотой Колымы мы услышали на совещании. Что еще нужно журналисту? Садись и пиши: материала, как говорится, вагон и маленькая тележка. Однако же ни в вагоне, ни в маленькой тележке не было самого главного – человека. Как ему живется и работает на современной Колыме? Как отражаются на нем нерешенные северные проблемы, о которых так много говорилось на совещании? Нет, всего этого не узнаешь из доклада, нужно ехать и смотреть своими глазами. Известно ведь: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

2**

Гладиолусы и прочее

Прежде чем сесть в самолет, мы побродили по колымской столице, ее многолюдным улицам, горбатым, очень чистым в центре, еще более горбатым, но уже не таким чистым на окраинах, куда постепенно вторгаются новые стандартные дома, отжимая к морю старые кварталы.

Белесые приземистые сопки, по разлысинам запорошенные снегом, тесно столпились вокруг города, прижали его к холодному, с крутым характером, Охотскому морю. Ветры нагоняют с моря низкие карие тучи, тучи натываются на горы, сползают по ним вниз, к Магадану, вновь и вновь затеявая по улицам промозглую дождливую круговерть.

У ворот рынка южанин продает цветы. «Почем гладиолусы? Два рубля штука?!» Девушка в мини-юбке (а мы еще кутаемся в пальто) спокойно выбрала бордовый цветок на длинном стебле, парень в куртке, будто из змеиной кожи, на молниях (прибрежная торговля с Японией) взял три цветка, пожилой человек – четыре.

Нарасхват – пять больших картонных ящиков по тысяче цветков в каждом. Торгаш невозмутимо положил в карман десять тысяч рублей. Как представители отдела «Человек

** Литературная газета N 37, 11 сентября 1968 г.

и экономика» мы тут же прикидываем экономику этой операции: билет на самолет в оба конца (округляем в большую сторону) – 400 рублей, доставка и прочие затраты (фантастически округляем в большую сторону) – еще 400, стоимость цветов, купленных в южном городе по двугривенному за штуку, - 1000 рублей. Итого 8200 чистой прибыли. Недурненько!

Шумит, торгуется, острит, продает, покупает удивительный, может быть, самый удивительный северный рынок. Абрикосы прилетели с Кавказа на «ИЛ-18». За ними семья приехала из тундры на собаках, запряженных в... колесные нарты. Гвоздика – полтора рубля цветок, огурцы – шесть рублей кило, клубника – восемь... Объявление: «Потерялась ирландская болонка – белая, глаза и нос черные, по кличке «Каро». Прошу вернуть за большое вознаграждение. Татьяна Ивановна». ...Летние помидоры – семь рублей кило, сметана – три рубля пол-литровая банка. Интересно, что имела в виду Татьяна Ивановна, когда писала «большое вознаграждение?»

Дальше эту тему можно развивать в двух направлениях. Можно порадоваться всей этой обычной житейской суете, которая везде одинакова – что в Москве, что в Ленинграде, что в Тамбове или Рязани – и которую особенно приятно встретить здесь, потому что здесь – Колыма. Но можно увидеть за всем этим и другое. То, как завязываются на этом рынке узелки многих колымских, да и вообще северных, проблем: цены и зарплата, спрос и предложение, расстояния и транспорт, человек и климат, предприимчивость спекулянтов и государственная выгода.

Но, разумеется, мы не собирались судить о проблемах нынешней Колымы лишь по их отражению на магаданском рынке. И поэтому – в путь!

Летим полчаса, час, полтора, а за стеклом иллюминатора «ИЛ-14» - все еще горы, горы, горы. Справа до горизонта – горы. Слева до горизонта – горы. Не Кавказские – лиловые великаны в белых шапках, не Карпатские – кудрявые и веселые с аккуратными домиками на склонах, а какие-то чужие, будто инопланетные, хмурые, нелюдимые. Два цвета, белое по черному – заснеженные распадки между каменными ребрами голых хребтов.

Где-то там, в распадках, бегут сотни и тысячи прозрачных ключей, названных неунывающими разведчиками золота в память надежд и долгих блужданий, во славу своих удач, в честь своих любимых: Дебютный, Радужный, Весенний, Февральский, Мартовский, Большой, Майский, Эфка, Аннушка... На каждом из этих ключей люди мыли или моют золото. По-разному мыли и жили по-разному.

- Колыма, - говорит летчик, выходя из кабины.

Под крылом – широкая желтая река. А по обе стороны ее – пустынная земля, будто вывернутая наизнанку, окаменевшая в судорогах. Так вот ты какая, Колыма!

«Физкультпривет!...»

С первого взгляда угадываешь, как, должно быть, непросто жить человеку в этих пустынных горах, на вечной мерзлоте, где и в самую жаркую пору лишь на полметра оттаивает грунт. Жить и работать круглые, непрерывные годы без пугливой оглядки на страшные зимы. Единственная ниточка жизни, автодорога, связывает здесь разделенные хребтами поселки, и люди, подобно островитянам, говорят «материк» обо всей остальной советской земле.

Не ради экзотики приехали они сюда с этого самого «материка» - из Москвы, Курска, Ленинграда, Минска, Хабаровска... Тут, куда ни ткни, - золото, золото, золото, и что уж толковать о «длинном рубле», если человек в богом забытом месте из промерзлых камней вымывает для своей страны золото! Каждый шаг колымчанина дорого обходится и ему самому и государству. Хозяйственная или этическая мелочь в европейской части здесь может обернуться проблемой, а рядовая проблема – трагедией. С точностью и тщательностью поистине ювелирной должны быть здесь пригнаны и отшлифованы взаимосвязи людей, экономики и природы.

Каковы же они, эти связи? Насколько выверены?

Помнится, еще в первый час нашего пребывания на колымской земле разговорились мы со здоровенным рыжим парнем, бригадиром группы «вербованных» из Подмосковья. Ребята, по его словам, были злы, «что твои двести тысяч чертей», - билеты им дали только до Красноярска, но там их никто не встретил, как было обещано, еле-еле добрались они до Магаданского аэропорта, но и здесь никого не нашли. На последние копейки парни отправили рыжего своего бригадира «ругаться с начальством», а сами остались сидеть на чемоданах.

«Надолго сюда?» - спросили мы. «Если так дальше пойдет, только меня здесь и видели! А вообще-то по договору на три года». – «Все образуется, устройтесь». – «Посмотрим. И вообще посмотрим. Как еще платить будут. Я и на материке сто тридцать чистыми имел. Не понравится – физкультпривет!...»

Теперь, поездив по Колыме, мы не поручились бы, что этот рыжий парень и его товарищи останутся здесь надолго. Очень возможно, что будет «физкультпривет».

Уезжают многие. Цифры на приисках называют разные. Михаил Павлович Никитенко, директор «Экспериментального», сначала сказал, что текучесть у них 30 процентов, потом, подумав, прибавил: «Доходит до пятидесяти».

Бросается в глаза одна, на первый взгляд, необъяснимая странность: очень многие руководители приисков, специалисты, рабочие основных горных профессий живут здесь по 10-15 и более лет, построили уже себе кооперативные квартиры на «материке», а все еще не собираются уезжать с Колымы, говорят: до пенсии «поколымничаем». Они хорошо зарабатывают. Директор прииска в Беличане получает 820 рублей в месяц, бульдозерист на золотом полигоне – до 600 рублей. Но одновременно не меньшее число людей тех же основных горных профессий уезжает как раз из-за недовольства заработком. В чем здесь секрет?

Бывший шахтер из Донецка, а теперь рабочий с золотого рудника, человек лет сорока с лишним, худой и высокий, как журавль, в столовой раскрыл нам этот ларчик.

- Через полгода я получу десять процентов надбавки к «материковому» окладу, - говорил он, откупоривая бутылку пива. – Еще через полгода – опять десять. Пока все в пользу Донецка. Там тепло, а здесь морозище под шестьдесят, да еще как даст с ветром, дыхнешь – пар льдинками звенит. Ну разве при всем этом двадцать процентов надбавки перетянут Донецк? Да ни в коем разе! Однако и эти двадцать нужно год ждать! Вот если два года продержаться, тогда надбавки набегит уже 40 процентов. Весы выровнялись бы. Через три-четыре года, глядишь, на весах порядок: Донецк пошел вверх, Колыма перетянула.

Так вот и рассудил, что год-полтора «куковать», как он сказал, не стоит – взял расчет и теперь едет в Донецк.

Новые льготы с радостью встретили на Севере, об этом нам говорили десятки людей. Руководители промышленности буквально вздохнули. И все-таки система нынешних льгот, в общем-то разумная, не способна, однако, удержать человека на Севере именно в первый год, когда он еще не успел обвыкнуться, когда ему особенно неуютно и холодно, когда быт его не устроен, силен еще зов прежних мест. Почти все, с кем мы говорили на Севере – и рабочие, и хозяйственные руководители, и партийные работники, и ученые, - считают, что в первый год нужно было бы дать какую-то более существенную, как один наш собеседник выразился, «авансовую» надбавку, чтобы новичку сразу было, что терять. Тот, кто «перезимует» первый год, скорее всего, становится колымчанином лет на десять и больше, но «перезимовывают», увы, далеко не все...

За шесть последних лет через отделы кадров колымских предприятий Министерства цветной металлургии прошло рабочих впятеро больше, чем их числится по штату. Прямые экономические потери из-за большой текучести кадров составляют ежегодно десятки миллионов рублей. Но если посчитать текучесть не от числа всех работающих, а только тех, кто работает здесь не более двух лет, то она окажется выше. И

намного! Кстати, по миграции населения область прочно держит в стране первенство. И среди основных причин далеко не последнее место, как мы убедились, занимает неудовлетворенность зарплатой.

Загадки с бревнами и черенком

Зарплата на Колыме частенько задает прямо-таки неразрешимые загадки. В Беличане, на прииске «Экспериментальный», рассказывали: «У нас плотник обтесал два бревна. За одно ему заплатили три рубля пятьдесят копеек, за другое ноль рублей шестьдесят копеек, потому что одно для горного производства, а другое для стройки». То же самое, оказывается, и на ремонте. Стоят двое в одном цехе, только перегородка между ними. Оба слесарят. Один зарабатывает 400-500 рублей, другой – 150. Работа одинаковая, квалификация тоже, но один, видите ли, обслуживает основное, горное производство (чинит бульдозеры), а другой тоже ремонтирует горное оборудование, но к горному производству почему-то не относится, он – «вспомогательный»...

Кое-что любопытное и странное на этот счет узнали мы на прииске «Пятилетка», куда попали уже глядя на ночь. Василий Андреевич Поспелов, секретарь парторганизации, поскольку было уже поздно и мы, да и он, порядком устали, коротко «выкладывал» нам только самые важные проблемы.

- Мучаемся. Не хватает рабочих. Летом все подаются на золото, и ремонтников, шоферов днем с огнем не сыщешь. Станки останавливаются даже на ремонтных заводах – токари уходят на золото и получают там впятеро больше. Улавливаете цепочку? Тылы сдерживают добычу золота. Нельзя в одних и тех же поселках устраивать такие ножницы в зарплате...

Мы справились: верно ли говорили в Беличане, что одно бревно можно обтесать на 3.50, а другое за 60 копеек? Василий Андреевич усмехнулся: «Зачем бревно? Возьмем палку потоньше: черенок для лопаты. В цехе за него вам заплатят десять копеек, а на участке золотодобычи – рубль».

В этот момент распахнулась дверь и стремительно вошел человек в высоких ярко-желтых резиновых сапогах, завернутых на манер мушкетерских. Белоголовый, полный, с тонким и одухотворенным лицом.

- Из Москвы? Земляки?..

Так мы познакомились с Михаилом Евсеевичем Выгоном, в тридцать седьмом – комсомольским работником столицы, в шестьдесят восьмом – директором прииска «Пятилетка» на Колыме.

- Спрячьте-ка свою игрушку, - сердито сказал Выгон, подозрительно косясь на диктофон. – Терпеть не могу этих штучек.

Но мы не спрятали, - мол, вы механизуете свой труд, мы – тоже.

Он рассмеялся так заразительно, что и мы все поневоле стали смеяться. Но вдруг помрачнел и сказал с тревогой:

- А знаете, товарищи, из-за дождей вода поднялась. Еще два-три таких дня - и паводок.

Потом мы еще долго-долго сидели и говорили вперемежку обо всем. И о том, как трудно добраться на некоторые участки «Пятилетки» - только вертолетом, связь – по радио, зимой грузы – по зимнику. («А вертолетик накручивает своим винтом 240 рубликов за час, у нас по 200 часов выходит. Я просто поражаюсь, как мы еще добываем дешевое золото»). И о реформе, о самостоятельности директора. («У меня 133 бульдозера – целый танковый корпус. Ремонтников не хватает. Один согласился, если дам ему шестой разряд, плюс 50 рублей. Я теряю тысячи из-за отставания ремонта, но не могу добавить ему эти злосчастные 50 рублей! Не имею права. Что делать? Пусть горят тысячи?»).

Кстати, на другом прииске директор, фамилию которого мы не назовем, сказал нам: «Никто не хочет быть шофером – мало платят, а без автомобиля на Колыме зарез. Вот я и партизаню, издаю приказ: бульдозериста Иванова, в силу производственной необходимости, назначить на один месяц шофером с сохранением заработка. А потом бульдозериста Петрова, в силу производственной необходимости... А что прикажете делать? Бульдозеристы получают 600-700 рублей, а шоферы до 160».

«Я имею право сказать...»

За десять лет «Пятилетка» увеличила добычу золота вдвое, хотя пески на участках прииска бедноватые.

- Технология и техника золотодобычи постоянно меняются. Но вот что действительно изменилось неизмеримо, что вообще не поддается описанию – это жизнь людей на Колыме, - страстно говорил Михаил Евсеевич. – Я здесь тридцать один год, и я имею право сказать. У нас тут круглый год картофель, молоко, в некоторых отношениях мы здесь обеспечены лучше, чем в центральных районах. И потом: как бы там ни было, но нет случая, чтобы колымчанин не мог купить себе понравившуюся вещь из-за отсутствия денег – это важный психологический момент...

У парторга, где мы сидим, комната маленькая, но Выгону в ней не тесно, он не зовет к себе в кабинет, а шагает по этой комнатке, рассуждает вслух:

- Знаете ли, честное слово, я влюблен в свой Север! Купил я себе квартиру в Москве, но не еду туда, потому что здесь стало хорошо. Мы много говорим о недостатках, а вот о хорошем написать как следует не умеем. Бубним иной раз одно и то же. А взять такую Колыму да показать, что тут сейчас делается! Колыма же! Колыма! Вот это будет реальная пропаганда. Только нужно показать и трудности, и противоречия. Писать надо правду!

Директор – зря, что ли, старый комсомольский работник – сам великолепный агитатор и пропагандист. Он умеет заразить людей Севером, не скрывая от них всех сложностей здешней жизни.

И в ситуации, подобной той, о которой мы рассказывали, - когда новичок колеблется, не знает, то ли оставаться, то ли уехать, директор прииска находит нужные слова:

- Давайте говорить прямо: сколько вы на «материке» зарабатывали?

- 140.

- Больше вы здесь не получите...

- Я и сам так подумываю.

- Вы проклянете себя. Вспомните и черта, и дьявола, будете вопить: «Боже, зачем я сюда приехал!» Но если вы у нас год поживете, вам уже будет обидно уезжать, через два года уезжать будет неинтересно, через три – невыгодно. Наберитесь мужества на год или уезжайте сразу.

Уж кто-кто, а Выгон хорошо знает, каково тут человеку!

Север труден во многих отношениях. Период акклиматизации после прибытия сюда продолжается от полугода до двух лет. Но какие громадные различия для выходцев из разных мест! По наблюдениям отраслевых лабораторий НОТ, нормальная производительность труда у тех, кто приехал из южных районов, достигается через полтора-два года. А у тех, кто прежде жил в районах со сходными климатическими условиями, - за четыре-шесть месяцев.

По данным медико-географов, переселенцы из средней полосы России болеют на северо-востоке в три раза, а переселенцы и Закавказья – в десять раз чаще, чем выходцы из северных районов Хабаровского края.

Учитывается ли это органами, которые занимаются заселением Северо-Востока? Увы, никем и никак не учитывается. На Колыму и Чукотку направлялись и до сих пор направляются люди не только из центральных районов, но и из южных (Северный Кавказ).

Не учитывается не только степень сходства природных условий. Северу нужны отборные кадры. Между тем, именно здесь оказывается относительно много людей трудной судьбы, неудачников, людей с пониженным уровнем «морального здоровья». В период акклиматизации даже небольшие отклонения от нормы приобретают громадное значение: любитель просто выпить легко становится алкоголиком, человек с несколько повышенной возбудимостью – неврастеником и т.д.

Совсем недаром магаданские медики считают необходимыми «мероприятия для приостановки бесконтрольного пополнения формирующегося населения северных районов лицами, приезжающими на Север под влиянием неврозов, психопатии и алкоголизма». Влияние таких людей на обстановку жизни на Северо-Востоке много больше, чем их доля в населении.

...Уже ночью вместе с Михаилом Евсеевичем Выгоном мы вышли на крыльцо. Шофер приискового автобуса ждал нас, чтобы добросить до соседнего поселка Спорный, до авторемонтного завода, где предполагался ночлег. Мы ехали по колымской трассе «на перекладных».

3***

Человек «рисковой» профессии

Слово «старатели» на Колыме произносят очень часто, и все по-разному. Некоторые – с уважением к их рабочему рвению. Некоторые – с завистью к большим да еще молвой раздутым заработкам. Некоторые – с осторожностью и недоверием.

Старатель не совсем колхозник и не совсем рабочий. Скорее он нечто среднее – понемногу и то, и другое. Как и рабочие, он состоит в приисковой профсоюзной организации, но в отличие от последних не получает дважды в месяц заработной платы, не имеет оплаченных отпусков. Есть типовой устав артели, весь заработок распределяется по трудодням – в чем-то это похоже на колхоз, но вместе с тем это и не колхоз, поскольку решение общего собрания о приеме или исключении из артели окончательно утверждает дирекция государственного предприятия – прииска, к тому же вся работа ведется по договору с прииском, и артель каждый год распускают, а на следующий сезон формируют заново. Старатель – фигура совершенно особенная, для нашего общества не очень-то привычная, но от этого не в меньшей степени любопытная – и в социальном, и в экономическом смысле.

*** Литературная газета N 38, 18 сентября 1968 г.

Мы говорили со старателями, естественно, не похожими друг на друга. И все же нас не покидало странное ощущение их «родства», какой-то удивительной их схожести, причем ощущение это было настолько сильным, что мы не можем удержаться от желания представить вам «среднего» старателя.

Он молод и завидно здоров. Под рубашкой – мускулы штангиста. Впрочем, - расспросите-ка его – он и впрямь «баловался» гириями или боксом. По натуре он немного авантюрист, но не на самом деле, а в том смысле, что предприимчивость, связанная с риском, стала его натурой. Рисковать он любит и умеет, но не азартно, не как карточный игрок, а с расчетом. В общем-то он зря «на кон» не поставит. Его «была – не была» - это почти всегда ставка на самого себя: свои мускулы, энергию, опыт и удачливость. Риск, конечно, остается и в этом случае, но все-таки в себе он уверен, а потому легок на подъем: жена и дети у него, скажем, в Москве, Харькове или Ленинграде, а сам «рванул» на Колыму, на золото.

Риск состоит в том, что «рванул» он не на государственные «подъемные», а за свой счет (около 200 рублей), не будучи уверенным окончательно, что примут в артель, хотя и договаривался предварительно. В случае неудачи – обратный вояж обойдется ему еще в 200 рублей. Не знает он наверняка, и какой участок их артели достанется, «подфартит» ли на этот раз с золотишком или попадетя полигон-слезы, где сколько ни мой – ни черта не намоешь, а зарплаты (уж это он знает точно!) никакой не будет: весь расчет от грамма золота. Сколько сдал, столько получил.

Тут, прежде чем поехать, конечно, почешешь затылок. Но он верит в свою звезду и не боится работы. Он едет.

Такой «средний» старатель. Во всяком случае, нам показалось, что он таков. Мы уже оговаривались вначале, что не считаем свои наблюдения и выводы бесспорными, нам хотелось лишь высказать свою личную точку зрения на колымские проблемы. Но, может быть, читателю небезынтересно узнать, что думают о себе не «средние», а реальные, живые старатели? Подробный разговор с ними мы записали на диктофон и отдельные реплики передаем дословно.

Сами о себе

- Старателем быть – адский труд. А те, кто не знает, думают, что у нас сладкая жизнь. Чего про нас только не несут! Вот, мол, старатели – хотят деньгу зашибить.

- Мы от заработка не отказываемся, но и от работы не бежим.

- Пошли бы с нами «повкалывали», тогда узнали бы, почему большие рубли. Намахаешься – готов медведя съесть. Повар только успеваешь поворачиваться.

А повар у нас – всем поварам повар. Москвич. До этого он четырнадцать лет работал в ресторане «Националь». Мы ему платим четыреста рублей в месяц. Но мастер! Сварит – пальчики оближешь.

- Поваром тоже не просто. Помню, в шестьдесят четвертом году от нас повар ушел. И никто не хотел его заменить. Ребята говорят: лучше на бульдозере буду махать.

- А бульдозер на Колыме – ад. Как включил дизель утром, так и до «Большой Медведицы».

- Бульдозеры мы за свой счет покупаем.

- Берем в кредит. Нам по той же цене продают, что и государственным организациям. Но дают, ясное дело, старье. Покупаем и начинаем тут же ремонтировать.

- Мы и всю остальную технику за свой счет покупаем – промывочные приборы, разное там оборудование, инвентарь – все, что полагается.

- Потом у каждого из заработка за эту технику вычитаем, складываем в общей котел и расплачиваемся с государством. В конце года, когда договор со старателями расторгается, купленная нами техника продолжает числиться за артелью. Кто из нас на следующий год не вернулся – его доля пропала. А кто вернулся – тому достается техника.

- А в том случае, когда совсем, окончательно распадается артель, бульдозеры и все прочее снова продаем государству. Деньги делят между собой последние могики – те, кто дольше всех продержался в артели.

- Некоторые по три-четыре сезона с нами работают, но бывает, что не понравится, и человек на второй год уже не возвращается. Все от заработка зависит.

- Зарабатываем как когда. Иной раз и не очень везет. Но если все идет нормально, то за сезон получаем по пять-шесть тысяч новыми на нос. Это уж после вычетов за технику. На год разложить – в месяц выходит рублей пятьсот.

- Зато работаем в промывочный сезон по двенадцать, а то и по шестнадцать часов. Все делаем сами. Старатели лишних людей не держат, у нас же общий заработок на артель, так что нам лишних ртов не надо.

- Работаю я, скажем, на бульдозере. Но если что – я же и слесарь, и плотник, и электрик, и землекоп, и учетчик. Начальства у нас – только один председатель артели, ему платим полтора трудодня, а всем остальным по трудодню.

- У рабочих на прииске нормированный день, два выходных, праздники, отпуска – все, что положено. А у нас ничего этого нет. Мы – старатели! Это про нас точно сказано – старатели.

- К старателям у приискового начальства отношение неважное. В договоре написано, что будут столько-то платить за грамм, а потом видят, что у нас золото пошло, - и сразу договор пересматривать. Начинают платить, скажем, на 20 копеек меньше. А

станешь возражать, - совсем, говорят, вашу артель распустим. Или договор с тобой на следующий год не заключат. Вот мы и помалкиваем, чтобы не ссориться с прииском.

- Ребята у нас отовсюду – Ленинград, Фрунзе, Таллин, Москва – отовсюду. Профессии самые разные. Есть шоферы, есть шахтеры. Строители, слесари. Один даже писатель был.

- Вот вы сами рассудите. Бульдозеры у нас хуже, чем на прииске? Хуже. Промысловые приборы хуже? Хуже. Старенькие, мы все сами реставрируем. А золота на каждого добываем сколько? Больше, чем на прииске, и дешевле, чем они! Вот как это понять?

- А знаете, где мы золото берем? На самых бедных участках, там, где прииску его уже невыгодно брать.

- И никаких северных нам не платят – ни коэффициентов, ни надбавок – ничего. Все от грамма: сколько намыл, столько получил.

Платить ли за счастье?

Так рассуждают колымские старатели. М.Е. Выгон, директор прииска «Пятилетка», подтвердил многое из того, что мы услышали от них. Директор выработал для себя своеобразную стратегию отношений со старателями: «Я не должен допустить, чтобы у них развились частнособственнические тенденции, но я не должен и ограничивать их возможность зарабатывать в соответствии с количеством и качеством труда. Иначе теряется смысл старательской золотодобычи вообще».

На прииске у Михаила Евсеевича десять старательских артелей – 250 человек. Они купили себе 56 бульдозеров и дают прииску почти половину плана добычи золота. Так что речь идет о силе – и не маленькой!

- Верно, золото у них выходит в два раза дешевле, чем при госдобыче, - говорит Выгон. – Моют они действительно на клочках, отработанных уже местах, где нашу технику ставить невыгодно. Правда, в себестоимость старательского золота не входит разведка, определение контуров участков, технадзор – словом, общезаводские расходы.

- А если все это учесть?

- Все равно их золото будет гораздо дешевле.

Выгон говорит, что люди охотно идут в артели, поскольку старатель работает всего четыре месяца – сезон, а зарабатывает больше, чем приисковый рабочий за год.

- Вот я только что вернулся из старательской артели «Труд». – Михаил Евсеевич – большой палец вытянут, остальные сжаты в кулак – жестом показывает куда-то позади себя, на дверь, будто там, в прихожей, и есть этот самый «Труд». – Видел я, как они там

ремонтируют бульдозеры. У нас рабочий на часы посматривает: скоро ли конец смены, а старатели все до одного крутятся вокруг бульдозера, не отойдут, пока не отремонтируют. И выходит у них это дешевле, чем на заводе: все старье идет в дело, ни один винтик на землю не упадет.

Несколько иначе подходит к старателям директор Беличанского прииска Никитенко. Он убеждал нас, что нужно им дать нормы: столько-то в день переработать песков, столько-то отремонтировать техники.

- Но у них же есть трудодни!

- А что, трудодни? Трудодни – это выходá. Одной бригаде подфартило, и она взяла золота вдвое больше, чем другая, а песков переработала вдвое меньше. Но выходóв одинаково. Понятно?

Нет, нам не очень понятно. Получается, что руководитель прииска ратует за уравниловку: вдвое ли больше золота, вдвое ли меньше – платить одинаково. Так?

Никитенко отрицательно качает головой.

- Нет, не так. Фарт в какой-то мере должен учитываться. Старательская доля всегда была связана с фартом. Но только в какой-то мере. Если уж слишком большой выпал фарт, и они намыли по счастью, а не по труду, - что я им за счастье платить буду? Правильно, что в этих случаях расценки пересматриваются. И в договоре такой пересмотр оговорен. А договор на общем собрании старателей обсуждается, и они подписывают его.

Нам сразу же вспомнилось: «А станешь возражать, совсем, говорят, вашу артель распустим или договор с тобой на следующий год не перезаключат. Вот мы и помалкиваем, чтобы не ссориться с прииском». Правда, это мы не в Беличане услышали, совсем в другом районе, но некоторые сомнения все же появились в равноправии партнеров по договору – прииска и старателей.

Однако нам не хотелось бы сейчас углубляться в юридический аспект этой проблемы, хотя и он очень важен, - речь-то идет о правовом документе, авторитете договора. Не хотелось бы потому, что еще интереснее разобраться в природе старательской золотодобычи с социальной и экономической точек зрения.

Все-таки, согласитесь, странной выглядит мысль директора – нормировать труд старателей, которые и так работают каждый за десятерых, не считаясь ни с каким временем. Не сказывается ли здесь недоверие к экономическим регуляторам? Не говорит ли в данном случае устами хозяйственника давняя привычка ориентироваться на норму, а не на конечный результат труда?

Вспомним, что не сразу пришли мы и к идее безнарядных звеньев в деревне. Даже сейчас, хотя есть отличный опыт звеньев, к непривычной этой форме организации и

оплаты труда многие относятся с недоверием, и в «ЛГ» идет дискуссия по этому поводу. Публицист А. Янов решительно выступает за звенья, экономист В. Чупеев – против. До сих пор мы встречали такую форму только в сельском хозяйстве, но вот, оказывается, еще и старатели... Ведь и здесь экономические регуляторы создают очень похожую картину!

Приглядимся повнимательнее к тому, что объединяет звенья со старателями, что способно сблизить даже столь разные вещи, как боронование и промывка золотых песков, пахота и бульдозерные работы. Приглядимся, и окажется, что волшебная это палочка – оплата за конечную продукцию. Прямая материальная заинтересованность человека в результатах своего труда.

- Нет, нормы у старателей должны быть, - уверял нас директор прииска «Экспериментальный», - как и в любом колхозе: выкосил – получи, вспахал – получи. Нужно, чтобы это нашло отражение в новом типовом уставе старательской артели. Нельзя платить только «от урожая». Раз старатели на советской земле живут, все у них должно быть по-советски.

Видите, в этих рассуждениях безнормальная форма работы уже никак не вписывается... в рамки социалистической экономики. Но не ошибается ли хозяйственник? Именно оплата «от урожая», по мнению многих ученых, весьма перспективна, поскольку и материально, и психологически бьет в одну цель – рождает стремление получить как можно больше продукции. Вот и в рыболовецких колхозах Камчатки – мы видели сами – платят тоже только «от урожая», от количества центнеров выловленной рыбы. И очень даже хорошо это у них получается: и рыбаки довольны, и артели богатеют, и уловы на одного работника побольше, чем в иных рыбокомбинатах.

Но вернемся к старателям. То, что они при худшей технике, на худших участках дают золота больше и дешевле и сами зарабатывают больше, о многом заставляет задуматься. Руководитель прииска, представляется нам, должен заботиться не о том, чтобы «поприжать» старателей, дающих ему почти половину плана, а о том, чтобы, приглядевшись к ним повнимательнее, что-то новое, быть может, внести в организацию труда и оплату рабочих своих бригад.

Экономическая реформа приходит уже и на Колыму. Михаил Евсеевич Выгон в связи с этим задумался: «А что, если сказать нашим бригадирам – вот, допустим, Петров, твой полигон, вот твоя техника и никаких норм, но за грамм золота вы получите столько-то?» Тут уже кое-что привносится из старательской практики, хотя сохраняется и все то, что гарантирует рабочему трудовое законодательство: выходные, отпуска и т.д. Надо, надо искать, пробовать! Именно реформа требует решительно поднять эффективность труда золотодобытчиков. Когда представляешь себе награду за такие поиски – лишнее

(как будто оно бывает лишним!) золото для страны, то, право же, понимаешь, что игра стоит свеч.

«Извините, не ждали...»

Не только старателям, но и колымчанам вообще присущи динамизм, энергия, уверенность, предприимчивость. Может быть, это потому, что средний колымчанин очень молод, гораздо моложе, например, среднего москвича. Никто ведь не везет сюда отца, мать, не говоря уже о дедушке, бабушке, теще. Людей пенсионного возраста на улице почти не встретишь. Но динамизм колымчан объясняется, очевидно, не только возрастом. Сказывается и естественный отбор – не всякий ринется в эти холодные горы и не всякий здесь приживется.

Колымчане часто говорят о том, что ним едет немало пьяниц, людей неуравновешенных психически, неудачников, не сумевших построить жизнь «на материке», и прежде всего семейную жизнь. Это верно, но никак не в отношении молодежи. Тут все наоборот. По трапам воздушных лайнеров и теплоходов сходит на колымскую землю молодой человек: энергичный, любопытный, в жизненных дрязгах и бедах не истерзанный, ничего не потерявший и жаждущий побольше приобрести, как говорится, «для души и тела».

Слишком индивидуальны его приобретения «для души», нам не удастся их охарактеризовать, поэтому поговорим о второй стороне дела – материальной, бытовой.

Естественно, каждый приехавший приобретает прежде всего хорошую одежду. Мы заметили, что даже в самом заштатном поселке на Колымской трассе, не говоря уже о Магадане, люди хорошо одеты, а молодежь не просто хорошо, но и модно.

Мода здесь вообще-то не отстает от столичной, хотя и не лишена некоторых местных причуд. Одну из них мы единогласно определили как этнографическую особенность края, безусловно заслуживающую упоминания. Это – высокие женские прически.

Произведенным нами «расследованием» установлено, что такая прическа несколько лет назад пришла с запада и встретила здесь с еще более высокой прической, национальной чукотской, пришедшей с востока; получился некий гибрид, произведение поразительного искусства и красоты. Говорим это безо всякой иронии. То, что сооружают на голове колымские модницы, вызывает не только удивление, но и восхищение.

Итак, приехав на Колыму, молодой человек в первый же год хорошо оденется. Такая возможность у него есть, ибо соотношение цен на продукты и одежду здесь иное, чем на «материке». Скажем, летом в Москве пара мужских туфель стоит двадцать четыре

килограмма помидоров, а на Колыме всего четыре. Северный коэффициент к зарплате экономистами рассчитан в предположении, что колымчанин съест столько же помидоров, сколько москвич, но молодой человек не обязан считаться с расчетами экономистов и ради красивого галстука ест вместо помидоров лапшу. А через два-три года ему и жертвовать витаминами не нужно, чтобы приобрести обнову.

Но если о своих материальных потребностях молодой северянин говорит не в первую очередь – явный признак относительного благополучия, то о второй своей потребности – в развлечениях – житель Колымы рассуждает много и охотно. И за нашим «круглым столом» в Сусуманском районе мы очень быстро пришли именно к этой теме, хотя повестка была сформулирована шире – человек на Севере. Мы расскажем об этом разговоре, но прежде попытайтесь представить себе обстановку, в которой он происходил, вернее, место действия, еще точнее, условия, в которых живут здесь добытчики золота.

Сусуман. Небольшой городок. Вокруг центральной площади – универмаг, ресторан, почта, гостиница, есть свои небольшие Черемушки, есть и парк, а вот зелени по улицам почти нет, пожалуй, тем только и отличается Сусуман от тысяч своих собратьев, райцентров средней полосы «материка»

Главный «хозяин» города – горнопромышленное управление. Отсюда руководят разведкой, добычей золота, строительством и в городе, и на приисках, разбросанных на территории немногим меньше Московской области.

Сусуман – в 650 километрах от Магадана. Беличан – около часа езды от Сусумана. Здесь-то, в небольшой клубной библиотеке, и собрался «круглый стол» «Литературной газеты» на Колыме. Рабочие, молодые и не очень, в куртках и резиновых сапогах, мастер из ремонтного цеха, несколько женщин, библиотекарь, заведующий клубом, директор прииска, главный экономист Сусуманского горнопромышленного управления...

Мы сами выбрали этот прииск – «Экспериментальный», никто не навязывал нам встречу здесь. Еще вчера вечером мы сказали в управлении, что, может быть, поедем на Буркандью или Мяунджу. Полчаса назад, уже в Беличане поговорив с директором этого прииска Михаилом Павловичем Никитенко, окончательно решили: соберемся здесь.

Несколько элегантных журнальных столиков сдвинуты на середину комнаты. На них – бутылки с колымской минеральной, вазы с гладиолусами, яблоки, фужеры отличного чешского стекла. «Извините, мы не ждали», - сказали хозяева. Но мы откровенно признались, что у нас в «Литературке», на Цветном бульваре Москвы, в подобных случаях подают гостям обычные стаканы и цветов на стол не ставят.

Включили портативный магнитофон. Расселись вокруг низких столиков, разговорились...

В Беличане за нашим «круглым столом» немолодой уже человек в темном комбинезоне сказал, что жизнь здесь, собственно говоря, началась с пятьдесят четвертого года.

— То, что здесь было прежде, не стоит и вспоминать. А когда выбрали Советы, образовались райкомы партии, — жизнь пошла нормальная. Стали сюда комсомольцы ехать, с семьями — до черта людей.

А я, между прочим, все двадцать три года без выезда. На будущий год обязательно поедем с женой в отпуск, в Воронеж. Я здесь женился, вот уже два года, сын у меня... У нас здесь сейчас хорошо — только работай. Домá отстроили, столовую, клуб, цех ремонта горного оборудования отгрохали. Я вообще-то токарь, а сейчас в этом цехе старшим мастером работаю. Все, что вокруг, за последние годы настроили. Считай, что поселок заново родился...

Молодой парень, успевший принарядиться после работы, приехал на Колыму в шестьдесят втором году.

— Я до армии не имел возможности много разъезжать. А когда демобилизовался, немного послесарил на заводе, потом немного машинистом покатался на маневровом. А потом взял и подался на Север, вот на этот самый прииск.

Обе биографии, как мы, поездив по Магаданской области, убедились, довольно типичны для жителей Колымы, так же как и перемены в облике здешних поселков и приисков, — всюду и везде они по времени относятся к последнему десятилетию. Разный жизненный опыт давал возможность нашим собеседникам увидеть эти перемены с противоположных точек зрения. Если для ветерана Колымы здесь теперь чуть ли не земной рай — сравнение с прошлым никак не подсказывает ему более умеренную оценку, то для приехавшего недавно «с материка» молодого человека тут хоть и не ад, но все же рай остался где-то далеко за горами. Поэтому он настроен и более скептически, и более критически, сильно преувеличивая в своем полемическом задоре как «материковые» достоинства, так и колымские недостатки. Ревность к прежним местам преспокойненько уживается в его сердце с северным патриотизмом, здесь повсеместным. Как же так — столько претензий и любовь к новой земле? Любит он ее за дикую суровость и необычность природы, льстящую его самолюбию мужественного человека, питающую его романтизм, а повышенные претензии предъявляет именно потому, что убежден: его

**** Литературная газета № 40, 2 октября 1968 г.

мужество должно быть оплачено утроенным вниманием — если уж я в такую глухомань приехал, ты дай мне все, что положено!

Хотя обе группы – старожилы и новоселы - одинаково характерны для Колымы, но в количественном отношении они не равны друг другу. Еще лет десять—пятнадцать назад первая группа была здесь самой многочисленной, если не сказать единственной. Но с некоторых пор старожилы потянулись домой, «на материк». После 1957 года (год ликвидации «Дальстроя») население Магаданской области почти полностью обновилось. Теперь оно молодо не только по возрасту, но и по стажу пребывания здесь. Именно в силу этого обстоятельства скептическая точка зрения на местные условия стала гораздо более распространенной, чем восторженная. Тут определенным образом сказывается некоторая, что ли, избалованность новоселов «благами цивилизации».

«Развлеки меня!»

В первую свою встречу с колымской глубинкой мы еще не представляли себе, так сказать, тип местной молодежи и есть ли вообще какой-либо особенный тип. Потом поняли, что в основной своей массе это городская молодежь, знакомая нам по Москве, Ленинграду, крупным индустриальным центрам. Приехавших из деревни или мелких городков мы не встречали, хотя, очевидно, есть и такие, но большинство — с опытом жизни именно в крупных городах. Отсюда и высокая степень неудовлетворенности дефицитом развлечений, и упрямое желание свернуть любой разговор на эту знакомую тропу.

Что ж, не будем уклоняться, давайте поговорим и об этом, тем более что развлекаются здесь молодые люди порой весьма необычно. Старатели рассказывали, что однажды, возвращаясь с работы, решили устроить тир. («У нас ведь почти все охотники, у каждого ружье, есть собаки — у кого Белка, у кого Стрелка».) Не пугайтесь, они человека не убили, мрачной трагедии не будет. Просто один прикрепил свои золотые часы к ветке дерева, положил на землю пули в шапке — рубль пуля, плати и бей по часам, но своими не стрелять! Пятьдесят выстрелов — пятьдесят рублей. Все промазали. Потом другой повесил новенькие, «Полет», сто пятьдесят отдал, — бей в мои. Условия те же: рубль пуля. Кто-то вскинул двустволку — бах, и часики вдребезги. Итоги «соревнования» вместе пошли обмывать.

Объясняя за нашим «круглым столом» причины подобного времяпрепровождения, один из молодых людей, видимо, склонный к обобщениям — о местной молодежи, в сущности, о себе самом, он говорил в третьем лице, — нарисовал довольно-таки мрачную картину:

— Вот только плохо — вечерами ему некуда податься. В кино он ходит, а потом у него один маршрут: магазин — общежитие, общежитие — магазин. Надо бы для него хоть лекции организовать в клубе, что ли.

Завклубом, немолодая уже женщина, энергично парирует обвинение. Выясняется, что лекций в клубе было предостаточно.

— Нет, не то, — упирается парень, — что там наш сусуманский лектор, надо бы из Москвы кого пригласить, ученого или писателя.

— Лучше бы артистов из Магадана, — возражает его сосед. — Вот мастера! Не сравнишь с разными там гастролёрами, хоть бы и с московскими.

Мы стали расспрашивать: что же все-таки бывает в клубе, кроме лекций? Оказалось, что есть здесь литературная секция, разные кружки — вокальный, танцевальный, художественного слова, но участвуют в них не многие. Устраиваются концерты, вечера. Да еще с разными там выдумками. Один раз — семейный, «за чашкой чая», у самовара. Другой — «Человек родился»: поздравляют родителей, торжественный ритуал, подарки — детская коляска, доверху нагруженная подарками. Как-то устроили соревнование женщин в искусстве кулинарии, каждая принесла что-то свое: варенье, печенье, национальные блюда, даже собственные вина. Пригласили жюри из Сусумана — кондитера, кулинара, вручали призы. А потом вместе весело съели все экспонаты.

Словом, не так уж и «некуда пойти». Кто-то, кажется, мастер ремонтного цеха, сказал: «Мы, пожалуй, перекормлены мероприятиями. Почему бы просто не потанцевать под радиолу? Почему бы в столовой не устроить вечернее кафе и ресторан? Пить будем меньше, чем дома». Однако и эти, и многие другие «почему» молодые люди обращают, как мы заметили, не к себе, а к кому-то третьему. К кому же?

Молодежь привыкла к мысли, что в клубе служащие обязаны организовать ей нечто приятное и интересное. Самостоятельно же она — и, вероятно, не только на Колыме — развлекаться не умеет, да и не хочет.

— Скажите, есть у вас друзья, компания? — спросил один из нашей бригады, обращаясь к самому молодому рабочему.

— Друзья есть, — ответил тот.

— А компания?

— Какая такая компания?

— Ну, девушки, парни, которые встречаются и вместе веселятся. Танцуют или там на прогулки в горы ходят?

— Такой нету... Конечно, каждый из ребят имеет свою девушку.

— И сколько у вас друзей?

— Четыре... пять.

— Значит, ребята сами по себе, а девушки сами по себе?

— Ага.

— А вот мы, когда я был таким же молодым...

Договорить не дали. Мол, знаем, знаем, в ваше время молодежь была не та...
Миллион раз слышали...

Вообще-то верно. И молодежь наша не вся одинакова, и проводить параллели между молодежью тридцатых годов и нынешней нужно с большой осторожностью. Когда пожилой человек упрекает своих сыновей и дочерей в привередливости, чрезмерной требовательности, он проявляет неуважение к самому себе, своей собственной молодости, во многом принесенной в жертву будущему, то есть тому самому поколению, которое тогда было грядущим, а теперь стало настоящим.

И все же откуда эта претензия — «развлеки меня»? Современный человек с детства привыкает к пассивному восприятию удовольствий. Достаточно купить билет за полтинник или еще проще — повернуть ручку телевизора, и тебе покажут фильм, споют песню, перенесут в Африку, насладят тебя зрелищем.

И о хлебе тебе тоже не нужно думать, он у тебя есть. И не только хлеб.

«Концепция здоровья»

Слова молодого человека «общежитие—магазин, магазин—общежитие» не могли не насторожить нас. В Сусумане мы видели очередь у палатки, где принимают посуду, люди сдавали по пять, восемь и даже двенадцать ящиков бутылок. Директор прииска «Бурхала» Фейгин говорил нам, что после каждой полочки в общежитиях собирают до 500 бутылок. Секретарь райкома партии в Ягодном сказал, что два выходных в неделю вдвое увеличили и продажу спиртного, райком очень этим озабочен.

Что ж, забыт здесь старый лозунг — книга вместо водки?

Любителям столь упрощенных решений социальных проблем можем привести цифры. Фонд библиотек Магаданской области таков, что на душу приходится примерно сто книг. А вот статистика подписки на периодические издания — тысяча семьсот один экземпляр газет и журналов на тысячу населения. Это самая высокая цифра в стране. На колымскую семью приходится в среднем шесть газет и журналов. Так-то вот обстоит дело с лозунгом, некогда казавшимся бесспорным.

— Книги? Клубы? Налаженный, быт?.. Я не вижу средства, которое само по себе, взятое отдельно, способно остановить алкоголизм на Севере. Здесь, где каждый человек так нужен, это сущее бедствие, — размышляет секретарь Ягоднинского райкома партии.

— Необходим какой-то принципиально новый подход. Психологи и физиологи не подсказали нам его. Мы пытаемся нащупать сами. Пока еще мало преуспели. Но, может быть, наша попытка увлечь всех в Ягодном спортом — райком коллективно показывает в этом пример — окажется действенной. Мы внушаем людям: Север перемалывает физически слабых, хочешь выжить здесь — занимайся спортом. А подтекст этой мысли — забота о здоровье нравственном. Поэтому повсюду строим спортивные залы, стадионы. Нет, нет, не только, конечно, спорт! Но и все, что связано со здоровьем, держим под особым контролем. Мысль старая, как мир: в здоровом теле — здоровый дух. Но, похоже, для Севера это особенно важно...

Победить пьянство вообще не так-то просто, а тем более на Севере. Здесь еще надо хорошенько поработать науке — и социологии, и психологии, и физиологии, и медицине. Социологию мы упомянули не просто как дань моде. Нужно, наконец, получить серьезные научные данные о том, кто, сколько и почему здесь пьет. Надеемся, думающий читатель не отмахнется от этой проблемы как от «общеизвестной», — известно, да не очень, а что касается Севера, — то тут этот вопрос уже никак не может быть «осмыслен» на бытовом уровне, нужны статистика, исследовательские данные. Магаданские ученые давно уже исподволь подбираются к этой проблеме, пытаясь глубоко проанализировать динамику, причины и следствия распространения алкоголизма на Севере. В любом поселке люди много зарабатывают и много, увы, слишком много продается спирта. Пока колымчане пытаются противопоставить этому лишь «концепцию здоровья».

Тут действительно многое делается для здоровья физического и нравственного. Не только в центральных поселках приисков, но и на участках — а их у каждого прииска по пять-шесть — есть клубы, школы, детские сады, хорошие столовые, во многих местах строятся бытовые комбинаты, спортивные комплексы. В каждом поселке — больница или поликлиника. На прииске «Пятилетка» — семь или, кажется, даже восемь участков, есть очень отдаленные, куда можно добраться только вертолетом, и лишь в одном из этих мелких поселков нельзя посмотреть широкоэкранный фильм.

А это — здоровья не прибавляет

И все же мы далеки от желания идеализировать нынешний быт колымчан. Неважно, очень неважно обстоит дело, например, со снабжением фруктами и овощами. В магазинах мы их не видели, а на рынке — не только в Магадане, но и в Сусумане — сколько угодно, но по цене, бросающей москвичей в жар. И какую торговку ни спросишь: «Откуда привезли?» — ответ один: из поселка Палатка.

— Каждый раз, как еду мимо этого поселка, все удивляюсь, вот живут! — рассказывал вам один из колымских шоферов. — Там у любого домика своя маленькая тепличка. Выращивают помидоры — и на рынок!

Предприимчивые люди возят ранние овощи, фрукты, цветы не только за сотни, но и за многие тысячи километров.

Летом самолеты на Северо-Восток идут почти пустые. Лайнер в пути всего лишь несколько часов, спекулянты быстро сообразили, что к чему, а государственная торговля удивительно неповоротлива, не пытается даже конкурировать с частником. Непривычно.хлопотно. «Рисково»: а вдруг не раскупят помидоры? А вдруг гладиолусы завянут в пути? У спекулянтов что-то не вянут.

В снабжении Колымы фруктами и овощами чувствуется какая-то случайность, кустарщина. Очевидно, и впрямь должны быть созданы в южной зоне Дальнего Востока крупные овощеводческие хозяйства, специализированные на поставках для Севера. Воздушный мост, караван судов — ничего не может быть дорого, когда речь идет о витаминах для золотодобытчиков. И потому, что из-за этого мы теряем чистое золото. И потому, главное, что человек на Севере, право же, заслуживает гораздо большего внимания к нему всего нашего общества.

Последнее — недостаток внимания — относится и к жилью для северян.

Строят на Колыме в последние годы много больше, чем прежде, нет никакого сравнения, однако же довольно долго надо ждать хорошей квартиры. Никитенко, директор прииска «Экспериментальный», говорит: «Вчера нужный человек взял расчет, жил в кабинете, надоело». В аккуратном зеленом районном поселке с вкусным названием Ягодное, примостившемся в ложбинке среди красивых сопок, в этом симпатичном поселке, где все так ладно и прибрано, а на светлых улицах из новых благоустроенных домов — широкие тротуары из бетонных плит, хорошие магазины, ресторан, — все-таки есть еще и целый район «Шанхая» — стареньких, в землю вросших домиков. И в самом Магадане таких еще немало, буквально по соседству с центральными кварталами. И на приисках, и на участках — везде еще встретите вы постройки времен «Дальстроя». Все это наследие — бульдозером бы да под корень! Но нельзя — население растет быстро, много людей приезжает, много рождается детей: на всех новых квартир не хватает.

К тому же еще дом на Колыме — тот же, что и в Рязани, а на Чукотке — тот же, что и на Украине. Нет типов домов, мало-мальски приспособленных к условиям Севера, зато некоторые проектные организации, а за ними и кое-кто в печати, в последнее время пламенно пропагандируют города с искусственным климатом, города под крышей. Что и

говорить, сверхтехника, сенсация. Мы совсем не против таких городов. Но пока нужнее просто теплые, удобные и дешевые дома на улицах, открытых всем ветрам.

Итак, заработки, досуг, быт, витамины, жилье... Мы ставим многоточие. Есть еще одна «закавыка из закавык», возникающая всякий раз, когда заходит, как за нашим «круглым столом», разговор о проблеме «человек на Севере».

Как ни парадоксально, но «закавыка» эта — сам северянин. Нельзя ли обойтись... без него? Точнее: нужно ли так много северян?

Хотя на Севере, занимающем половину территории страны, живет менее трех процентов населения СССР, хотя здесь повсюду требуются рабочие и директора приисков хватаются за голову — некого ставить к машинам, — все-таки Колыма перенаселена, в чем легко убеждаешься, путешествуя по знаменитой Колымской трассе.

5*****

Заячий след дороги...

Колыма жива трассой. Одна из длиннейших в мире автомобильных дорог Магадан — Якутск дерзко петляет меж угрюмых хребтов, по долинам еще непокоренных диких рек, уверенно пробирается через безлюдье тайги и тундры. Слово капилляры от артерии, разбегаются от нее десятки ответвлений, пронизывая тело Севера, дотягиваясь до берега Ледовитого, концами своими стыкуясь с автомобильными капиллярами Восточной Сибири у самой Хатанги, у Таймыра. И, если продолжить сравнение, красными кровяными тельцами круглосуточно и круглогодично текут, покачиваясь, по трассе автопоезда, питая Север. Колымский шофер — главный снабженец сотен поселков, заводов, шахт, прикрепленных к трассе, словно гроздь к Лозе, и сотен тысяч людей.

Между двумя очередными перевалами вез нас черноволосый разбитной парень Виктор.

— Вы на Цветном бульваре? Бывал... Трубная? Знаю... Угощайтесь — «Северная Пальмира»... А виадук на Самотеке уже построили?..

Оказалось, столичный таксист. Возил вечно куда-то спешащих москвичей, подсаживал «пиджаков» на Киевском, на Курском. Но однажды с Колымы приехал сосед в отпуск, порассказал с три короба, и три дружка загорелись, ринулись в неизвестность: таксист, электрик и строитель. Сейчас все вместе живут в общежитии, в Спорном.

***** Литературная газета № 42, 16 октября 1968 г

— Не жалеете? — А нам везде рай. — Кто из троих больше зарабатывает? — Я побольше. — Женат? — Зачем? Здесь много холостячек. — Пора бы остепениться. — Успею еще...

От Сусумана до Ягодного ехали мы с Юрой Вознесенским, можно сказать, местным колымчанином. Здесь вырос, здесь учился, здесь женился. Жена — техник в горном управлении. У них пятилетний сын и девочке год — эти-то уж стопроцентные колымчане, отдельная двухкомнатная квартира в пятиэтажном доме, все удобства.

Медленно вползаем на Бурхалинский перевал. Многозначительная табличка: «Водитель, впереди четыре закрытые поворота»... Их тут не четыре, а тысяча четыре дьявольских поворота!.. Знаки предупреждают лишь о самых коварных головоломках трассы. Дорога вьется сумасшедше: бросок вправо, через сотню метров — круто влево, ещё минута езды — опять вправо и тотчас же разворот назад, в обратную сторону, при этом все время то спуск, то подъем. Иногда даже сразу не разберешь: кажется, что спускаемся вниз, а глядишь — ручей течет навстречу.

Сверху, с перевала, видно, как далеко внизу работает драга, а чуть поодаль пять бульдозеров идут фронтом, как танки в атаке, — готовят площадку для промывки песков. Побежали карликовые березки, потом вдруг высокие деревья. Тополиная роща на Колыме?

— Ключ Сыганья, курортное место, микроклимат, нет вечной мерзлоты, — говорит Юра.

557-й километр колымской трассы. 13.00. В Москве сейчас пять часов утра. Но отсюда и Магадан кажется далекой-далекой столицей. Горы слева, горы справа, а между ними аккуратные белые домики.

«Ягоднинцы приветствуют дисциплинированных водителей».

Будь здоров, Юра Вознесенский, спасибо!

А дальше с другим «дисциплинированным водителем» — до прииска «Пятилетка», с третьим — до Спорного, с четвертым — до Оротукана и, наконец, с Толей Муравьевым, гренадерского роста водителем «МАЗа», с вечера и до рассвета, всю ночь напролет, четыреста километров — до самого Магадана.

Муравьев не спрашивал, кто мы, это не было для него существенно. Людям требовалось подсобить, и он мог подсобить — вот и все. Таков неписанный закон трассы.

— Живем по-братски, — рассказывал Анатолий, — не потому, что шоферы ангелы, — нет, народ разный. Но иначе тут нельзя.

Да, эгоизму трудно зацепиться на Севере. Перед всей его давящей мощью люди могут продержаться, а тем паче наступать только плечом к плечу.

Всю ночь напряженный мотор мелко тряс перегретую кабину, стремительно отодвигались назад изломанные повороты, приземистые перевалы, размытые темнотой контуры гор, неясные огни полуспящих поселков. Всю ночь погромыхивал позади прицеп и погромыхивал голос Анатолия.

Муравьев из тех, кому нужны и синица в руках, и журавль в небе. Синица: большой заработок — это хорошо, малым он не удовольствовался бы. Однако опытный шофер почти столько же (с учетом разницы цен) может заработать и на юге. Но вот здесь-то и подымается над головой Анатолия северный журавль — та самая штука, которую с надоедливой неточностью называют романтикой. Это сложный клубок ощущений и чувствований: повышенный элемент риска, необходимого, по-видимому, в жизни мужчины; обостренное чувство товарищества; понимание своей большой нужности, полезности; наконец, гордость за себя, удовлетворенность героикой, которой так недостает молодым в обжитых местах.

Выражаясь языком экономистов, налицо здоровое сочетание стимулов материальных и моральных.

«Надо бы как-то разобраться!..»

Говорят, если хочешь знать, «что к чему» и «что почем», — спроси у шофера. Колымские водители не только кормили нас «байками». Из кабины видны и многие проблемы. И когда Анатолий Муравьев клянет тех, кто прислал ему в общем-то хороший, но непригодный для северных условий «МАЗ», он прикасается, можно сказать, к самой сердцевине этих проблем, их больному нерву.

— Машины присылают с летней резиной. Как ударят морозы градусов под 50—60, резина лопается, скат разлетается на куски. А морозостойкой — мало. Ссоримся из-за нее. Вот с этим надо бы как-то разобраться...

«Надо бы как-то разобраться» и с тем, почему не только автомобили, но и остальная техника приходит на Север в «южном варианте».

Возьмем, например, основную машину золотых полигонов Колымы — бульдозер. Он изготовлен на базе трактора, предназначенного для сельского хозяйства. Мощный на воронежских черноземах, он слабосилен в колымских горах. Как говорили знатоки на областном совещании, «для использования на горных работах, тем более в тяжелых условиях Северо-Востока, он практически непригоден».

Правда, созданы уже опытные образцы новых, более мощных машин. Но для их производства... еще должен быть построен завод в Чебоксарах. А строительство его... еще не начато.

Ограничимся этим примером. Если взять весь наш Север, то убытки только от прямых потерь из-за отсутствия техники в северном исполнении превышают 400 миллионов рублей в год. Полные народнохозяйственные потери, конечно, во много раз больше.

Но вернемся на трассу, в машину Толи Муравьева.

— Сцепление полетело! — профессионально отмечает он, заметив очередной «ЗИЛ» и лежащего под ним шофера. И притормаживает: «Друг, ничего не надо?»

Еще через десяток километров: «Эй, что там у тебя? Может, дернуть?» Зацепили трос, «дернули» бедолагу — и снова в путь.

Сама колымская трасса неизбежно подводит нас к мысли об одной из острейших здешних проблем — ремонта, которая лишь часть еще более жгучей и важной проблемы — трудового баланса.

На Крайнем Северо-Востоке гигантски разбухло все, что имеет весьма косвенное отношение к добыче золота, олова, рыбы и других даров природы. Население Магадана быстро приближается к ста тысячам, это уже около трети населения области, хотя в «столице Колымского края» не добывают золота, не пасут оленей и почти не ловят рыбу.

А ведь каждый человек на Севере дорог и, увы, не только в гуманном, но и в самом грубом экономическом смысле. И эта вторая его грубая дороговизна определяется отнюдь не одной лишь его собственной повышенной зарплатой, но и зарплатой всех тех, кто его обслуживает. Поэтому-то, по убеждению экономистов-теоретиков, все, что можно не делать на Севере, не должно там делаться. Но вот экономисты-практики, а также поголовно, кажется, все местные руководители держатся мнения прямо противоположного: все, что можно сделать на месте, нужно делать самим.

Ничего удивительного в таком резком расхождении во взглядах нет. Первые опираются на экономические расчеты, теорию и зарубежный опыт. Вторые — только на опыт, но свой собственный, — опыт работы в наших условиях снабжения.

На Колымской трассе в поселке Спорном (спорили, спорили строители, как назвать новый поселок, да так и назвали — Спорный) стоит вполне современный ремонтный завод. Мы заехали, познакомились там с хорошими людьми и нехорошими цифрами. Проблема запчастей — старая, давным-давно надоевшая. Честное слово, нам не хотелось бы о ней даже упоминать, но спорники очень просили, настаивали, убеждали нас, что в условиях Колымы треклятые эти, вечно отсутствующие запчасти буквально пожирают у государства золото.

По плану ремонта спорники в прошлом году должны были получить 506 коленчатых валов — получили лишь 170, вместо 529 блоков цилиндров — 359, вместо 102

рам — ни одной. Вот и наваривают шейки валов, растачивают блоки, клепают рамы, перенося на каждую деталь, каждый пустячный винтик всю мощь своей северной зарплаты, все свои льготы и коэффициенты, и высокую стоимость колымских материалов, и много повышенные по сравнению с «материковыми» транспортные тарифы. Тут уж, поскольку все это происходит на «золотой» Колыме, мы не можем не воскликнуть: «Золотые валы! Золотые блоки! Золотые рамы!»

И действительно ведь золотые! Ежегодно (ежегодно!) на ремонт одного бульдозера тратится на Колыме около двенадцати тысяч рублей, новая же машина стоит семь тысяч рублей, **включая стоимость доставки ее на Север**. Нужно ли быть экономистом, чтобы судить о том, что выгодней — отремонтировать старую машину или завезти новую?.. Новых пока не хватает?.. Что же, тогда мы поставим вопрос по-другому: если так бесхозяйственно выбрасывать миллионы рублей, то скоро ли мы сумеем настолько разбогатеть, чтобы в избытке иметь новую технику? И еще повернем вопрос в несколько иную плоскость: сегодняшняя нехватка новых машин — разве это довод за то, чтобы старые **ремонтировать** на Севере, а не на Юге?

А на Колыме ремонтируют все. Область имеет десять механических заводов, не считая многих десятков ремонтных мастерских. По данным Северо-восточного комплексного НИИ, более половины рабочих, занятых на этих заводах и в мастерских, делают запасные части и детали к землеройному, горно-шахтному и транспортному оборудованию, а также крепеж и метизы, выпускаемые... специализированными заводами страны. И обходится все это втридорога.

В одном из учреждений Магадана нам горячо рекомендовали посетить завод, который выпускает топливную аппаратуру к автомобилям — и не только для парка своих машин, но и на экспорт. Вот ведь как увлеклись!..

Если бы мы поступали, как велит экономическая теория, а равно и простой здравый смысл, то не пришлось бы завозить столько людей на Север.

Ведь на 100 человек, работающих в основных отраслях хозяйства Магаданской области, приходится 530 человек, занятых в «обслуживании» (транспорт, ремонт, бытовые услуги и т.д.). Много это или мало? Для сравнения: в зарубежных странах, широко осваивающих Север, на 100 работников основных отраслей приходится 100—200 человек «обслуживающих».

Странная все-таки получается картина: ведь никто — решительно никто! — не спорит с тем, что хозяйство Северо-Востока надо развивать с минимально возможными затратами «живого труда». С этим согласны и ученые, и Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР, и сам Госплан. Согласие есть, а дела нет.

Как дипломатично выразился один из участников магаданского совещания: «экономические и социальные издержки социалистического общества по хозяйственному освоению ресурсов Севера сегодня выше общественно необходимых...»

— Вот вы спрашивали, какие тут у нас законы, — Толя Муравьев вкусно затягивается сигареткой. — Если машина встала на обочине, ни один водитель мимо не проедет, особенно зимой. Остановится и узнает, в чем дело, почему ты стоишь. Если ты спишь, он тебя разбудит, спросит, как себя чувствуешь, не угорел ли... Зимой, коль мотор заглох, я с попуткой сообщаю в диспетчерскую и жду часа два. Не придет «техничка» — бросаю груз и с попуткой же еду к диспетчеру сам. Иначе замерзнешь, смерть. И сколько бы водителей ни проехало, никто твой груз не тронет, — такой закон. Воровства у нас на трассе не наблюдается... Трасса сами видели какая — тут не до баловства. На Тенькинской ветке иной раз идешь рядом с обрывом в каких-нибудь двадцати сантиметрах, а обрыв — метров двести, не меньше... Смотрите!..

Мы, признаться, вздрогнули. Но, к счастью, его «смотрите!» относилось совсем не к обрыву. Смотреть надо было на чудо природы: два озерца рядом, одно сплошь покрыто льдом и снегом, а другое совсем летнее, прозрачное, отражающее и звезды, и луну, и прибрежные деревья, высокие, совсем подмосковные, и темные силуэты гор. Питают это озеро теплые ключи. Вот так по всей трассе — островки микроклимата, как оазисы в пустыне.

И такими же оазисами показались нам шоферские гостиницы с душем, тапочками, пижамами, белоснежным постельным бельем в комнатах на двоих и четверых. Такие домашние на вид, но строгие женщины-диспетчеры без всяких церемоний и объяснений отбирают путевку и укладывают спать каждого, кто за рулем больше двенадцати часов подряд. Здесь гостеприимно встречают вас ночные столовые, где в любое время суток есть и чай, и кофе, и полный обед, и, конечно, отличный выбор «вкуснейших» колымских шоферских историй, заполнивших не одну катушку нашего диктофона.

Стратегия освоения

Северяне называют Север во множественном числе — «севера». Северо-Восток — всем северам Север. Это как бы Сибирь в Сибири. Наиболее трудный и очень важный для нас край.

Проблемы «северов» так же разнообразны, различны, как и сами «севера». Однако чем ближе знакомишься с этими проблемами, тем отчетливее улавливаешь, что есть среди них такие, которые волнуют всех северян: на Кольском полуострове и на Северном Урале, в низовьях Оби и на Алдане, в Норильске и на Чукотке, на Камчатке и на Сахалине. Не

беремся перечислить все общее, попробуем назвать лишь самое важное... Это, вероятно, северная техника, строительство на Севере, проекты освоения, вопросы расселения. Каждая из проблем требует глубокой разработки.

А кто к этому способен и приспособлен? Какие институты, министерства? Нет таких.

Поэтому-то, очевидно, правы многие и многие северяне, с которыми мы откровенно говорили и на Оби, и на Колыме, и на Камчатке, и на Сахалине, — правы в том, что необходимо создать особое министерство по делам Севера с широкими полномочиями и сильными научными учреждениями. Вспомним, что для освоения Северного морского пути был создан Главсевморпуть, что в свое время был Комитет по делам народов Севера. Напомним, наконец, что Канада, где масштабы освоения Севера много меньше, чем у нас, имеет министерство по делам Севера. В скандинавских странах тоже есть государственные органы, ответственные за развитие северных территорий.

Преимущества нашего социалистического строя и планового хозяйства позволяют нам осваивать Север самыми эффективными методами. Но эти возможности пока далеко не полностью используются, в частности и потому, что в стране нет органа, прямо отвечающего за состояние наших северных дел. Следствие этого — ворох проблем, известных уже достаточно давно, но нерешенных из-за отсутствия комплексного подхода к ним и координации усилий разных ведомств.

До сих пор мы покоряли Север так же, как наши предки европейскую часть: сплошным, массовым заселением. Правильно ли это? Не слишком ли дорого обходится стране метод, стихийно примененный в совершенно иных условиях? Может быть, лучше использовать канадский способ — экспедиционное освоение Севера? Не строить здесь постоянных селений, городов? Резко упадут расходы на обслуживающий персонал и иждивенцев, погаснет нужда в жилье, стихнут снабженческие страсти... Что ж, такую идею поддерживают многие наши ученые-экономисты, в том числе и крупнейшие специалисты по Северу.

Другая точка зрения, поддержанная самими северянами, высказана знатоком зарубежного Севера доктором географических наук Г. А. Агранатом. По его мнению, экспедиционный способ себя не оправдал, и Канада отказывается от него, переходит к сплошному освоению.

Нам показалось, что эти дебаты несколько запоздали. Северо-Восток уже заселен почти миллионом человек — не выселять же их! В Магаданской области уже стоят десятки постоянных городов и поселков — не ломать же их! Уже проложены тысячи километров дорог, дымят трубы заводов, работают электростанции. Плохо ли, хорошо ли

— однако сплошное освоение Севера зашло слишком далеко, и выгоды экспедиционного способа никак не покроют убытков от крутого поворота стратегии, ежели он случится.

Наконец, не сегодняшним только днем жива Россия. Тут — наша земля, тут — наше будущее, не одним лишь рублем измеряется ценность Севера. Кроме чисто экономических, есть еще много иных критериев.

Наша извечная беда — крайности. «Или — или»! А если «или» и «или»? Если совместить оба способа? Где нужно — экспедиция, где возможно — город?

Стратегия освоения... Именно об этом, самом главном думали мы, когда наш самолет разворачивался над океаном, направляясь к Камчатке.

Мы были гостями потеплевшей, подобрешей Колымы, видели, как много по-настоящему хорошего, радующего сердце сделано там за последние годы, сколько внимания оказывается советскому Северу. Огромные, все большие и большие средства вкладывает государство в развитие производительных сил этого края. Но, пожалуй, нельзя уже медлить и с окончательным выбором генеральной стратегии освоения. Надо определиться. Не на пять, не на десять и не на пятнадцать лет даже, а, может быть, на полвека заглянуть вперед. Конечно, и магаданское научное совещание в немалой степени способствовало прояснению перспектив, но все же решающее слово тут за органами государственного планирования.

Слишком дорого обходится нам продвижение на Север, и слишком многого ждем мы от него, чтобы вкладывать средства неуверенно, ненадежно.

...Вот и скрылись за горизонтом Колымские сопки, не видно их под крылом. В день отъезда они уже не казались нам дикими.

Такой ты нам и запомнилась, Колыма 1968 года!

«АРКТИКА – ГОЛОВОЛОМНАЯ ЗАДАЧА»*

Межведомственная комиссия по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР уже свыше десяти лет проводит исследования зарубежного опыта. Имеется в виду, что при соответствующем критическом к нему отношении этот опыт может быть использован в целях повышения эффективности освоения северных районов нашей страны. Монография доктора географических наук **Г.А. Аграната «Зарубежный Север: опыт освоения»**, выпущенная издательством «Наука», завершает эту серию исследований.

Разумеется, на методах освоения сказываются принципиальные различия социального строя государств. Капиталистические монополии преследуют на Севере, как и повсюду, цели извлечения прибылей. Буржуазные государства нередко делают вложения в северные территории в качестве неких «антикризисных мероприятий», рассчитывая стимулировать частные инвестиции и ослабить безработицу.

Все это, безусловно, накладывает специфический отпечаток на зарубежный опыт освоения Севера, далеко не всегда приемлемый для нас, но тем не менее представляющий немалый интерес для науки и практики. Надо иметь в виду также, что масштабы освоения Севера у нас во много раз больше, чем за рубежом.

Научная подготовка

Подготовка к освоению начинается с исследования, ибо «для экономистов и плановиков Арктика – головоломная задача».

Зарубежная практика ориентируется на обстоятельные и всесторонние научные обоснования программ освоения. Созданы многочисленные и крупные научные учреждения. «С практической точки зрения, научные исследования могут помочь избежать ошибок в районе, где издержки относительно велики и ошибки могут обойтись дорого», - говорил министр по делам Севера и национальных ресурсов Канады А. Лэйнг.

Ученые подчеркивают и перспективность изучения этих обширных территорий, ибо «с ростом населения и в связи с высокими темпами технического прогресса сегодняшние пустоши станут завтра ценными землями».

В исследованиях участвуют крупные государственные и частные научные центры, многие научно-консультативные фирмы.

---

* Литературная газета, N. 30, 21 июля 1971 г.

Техника

На зарубежном Севере стремятся применять наиболее производительную технику.

Как пишет Г. Агранат, «все работающие на Севере промышленные и транспортные фирмы заняты вопросами приспособления техники для своих предприятий, и решают они эти вопросы комплексно. От систем, узлов и частей грузовых автомобилей, экскаваторов, буров до резины, металлов – все в той или иной мере приспособляется к условиям Севера или изготавливается специально». Естественно, увеличивается стоимость техники, однако это «полностью окупается благодаря повышению надежности и долговечности машин и механизмов».

С другой стороны, машиностроительные фирмы, стремясь расширить сбыт, нередко повышают качество обычных, серийных машин. Например, «стандартные японские бульдозеры и драги американской фирмы «Юта» работают без ремонта в условиях низких температур до 10 лет».

Считается неэффективным ремонт северной техники. Зарубежная практика от него отказывается.

Сборные элементы зданий и сооружений завозят с юга.

Точно так же поступают и с продуктами питания. Если во времена «золотой лихорадки» на Клондайке процветало огородничество и скотоводство, то теперь это стало совершенно невыгодным.

Население

Американский Север, кроме Гренландии, осваивается в основном пришлым населением, численность которого в последнее время быстро растет. Очень велика текучесть рабочей силы. «Большинство пришлого населения не задерживается на Севере дольше двух-трех лет».

Чем привлекают людей в эти края?

Прежде всего доходами. «Суровые условия жизни и работы на Севере вынуждают предпринимателей выплачивать рабочим и служащим повышенную заработную плату». Однако по мере приближения индекса стоимости жизни на Севере к уровню освоенных районов относительное повышение заработной платы падает. Так, средний доход на душу населения на Аляске в 1950 году составлял 159 процентов от среднего дохода по стране, в 1960-м – 128 процентов, в 1968-м – 121 процент. Соответственно индекс стоимости жизни в крупнейшем городе Аляски Анкоридже составил по сравнению с типичным американским городом в 1941 году – 189 процентов, 1962-м – 129 и 1967-м – 121 процент.

Однако, несмотря на все старания удержать людей на Севере, это удастся плохо. Все-таки общий комплекс условий жизни здесь значительно хуже, чем в ранее освоенных районах.

***

Я остановился лишь на некоторых вопросах освоения зарубежного Севера, рассмотренных в книге Г. Аграната. Книга эта богата фактами и мыслями. На мой взгляд, ее с пользой прочтает каждый. Но особенно важно познакомиться с ней специалистам, непосредственно занимающимся освоением Советского Севера.

ВИТАМИНЫ ДЛЯ БАМа*

Сначала несколько картинок с натуры.

Конец сентября прошлого года. Неделю живу в бамовском поселке, неделю — трижды в день — хожу в единственную столовую. В меню — и мясо, и рыба. На первое — суп-лапша и борщ консервированный. Спрашиваю у работников столовой: нельзя ли просто борща, не консервированного?

— А у нас капуста еще не поспела!

Отделение связи — там же. Запах в нем, как в садовой сторожке где-нибудь на Тамбовщине. Сотни посылок, которые уже некуда ставить. Яблоки, яблоки, яблоки... Судя по запаху — великолепнейшая антоновка. Ни в столовой, ни в буфетах, ни в магазинах яблока увидеть не удалось. Правда, по рассказам, зимой были — импортные. Апельсины тоже привозили.

Семья в аэропорту. Он, она, ребенок лет полутора. Большие чемоданы. Спрашиваю: «В отпуск?» — «Да нет, совсем». — «Что так?» — «Вот она не хочет больше». — «С жильем плохо?» — «Нормально. Как у других. Жить можно». — «А как заработки?» — «Ну, столько я, шофер, в другом месте не получу». — «Почему жена захотела уехать?» — «Ребенку плохо, болеет часто. Молока свежего нет, порошковое только. С фруктами-овощами тоже плохо»...

Не стоит обобщать. БАМ велик. В одном месте так, в другом, допускаю, иначе. Там, куда пришла железная дорога, многое, конечно, меняется к лучшему по сравнению с местами, куда «только вертолетом можно долететь». Хотя был я на БАМе во многих поселках, видел в снабжении немало хорошего, но проблема «молоко — фрукты — овощи» была везде.

А потом мне пришлось слушать доклад ответственных работников Сибирского отделения ВАСХНИЛ о том, как создать нормальную продовольственную базу для БАМа, как обеспечить нынешних его строителей, завтрашних эксплуатационников, а также куда более многочисленных работников будущих ТПК (территориально-производственных комплексов) полноценным питанием. Что для этого можно сделать и сколько это будет стоить. Говорили: делать надо много и стоить это будет дорого.

Прошло немного времени, и опять та же «большая» тема: в начале лета я участвовал в интереснейшем Всесоюзном совещании по продовольственной базе Сибири и

---

* 1978 г. Отпечатано по гранкам. Номер газеты пока не установлен.

рационализации питания ее населения, которая проходила в Шушенском. Сложные обсуждались проблемы, и одна из труднейших — витамины для Севера вообще, для БАМа — в частности и особенности.

На большей части трассы БАМа местного населения до начала строительства просто не было. Естественно, не было и никакого сельского хозяйства. А там, где жили малочисленные охотники, рыболовы и оленеводы, сельским хозяйством тоже почти не занимались. Витамины же давала тайга. Кое-что выращивали на довольно жалких огородах.

Только на крайнем западном участке нынешней трассы БАМа — в пределах Иркутской области — было заметное сельское хозяйство, кое-как снабжавшее местное уменьшавшееся население и дававшее даже некоторое количество картошки «на экспорт», в более северные, еще более суровые места. И это — все.

Между тем потребность человека на БАМе в свежей зелени и свежих продуктах животноводства значительно выше, чем в других местах. Физиологи и медики очень убедительно это доказали.

Человеческий организм требует больше витаминов в природных условиях БАМа. Кроме того, искусственные витамины здесь усваиваются организмом куда хуже, чем в других местах, — так что всякие там драже не очень-то помогают. Недостаток витаминов — это осложнения в физиологической адаптации к местным природным условиям, «почва» для заболеваний, снижения производительности труда и т. д., вплоть до текучести.

Кроме того, во многих местах трассы и зоны БАМа — неблагоприятная геохимическая ситуация: в местных водах, почвах, а потому и в растительности сильно не хватает жизненно важных микроэлементов.

Все это можно компенсировать только полноценным питанием и соответствующим «обогащением» питьевой воды. Незаменимый продукт в этом отношении — свежее молоко. Источник и многих витаминов, и громадного количества микроэлементов.

При самом грубом подходе к питанию — с точки зрения калорий — все на БАМе благополучно, более чем благополучно. С точки зрения «основных» компонентов рациона положение хуже — здесь явный избыток углеводов. О микроэлементах и витаминах уже говорилось.

Замечу, кстати, что бамовцы — весьма просвещенные в отношении питания люди. Зашел я на одной из станций Малого БАМа к железнодорожникам, попросил напиток. «Какая у вас вода мягкая!» — говорю. «Да, при такой водичке года через два-три с

зубками прощайся». И последовал весьма обстоятельный и грамотный рассказ про чистоту здешних вод и фтор.

Между тем острые витаминно-минеральные проблемы питания на БАМе, да и на Севере вообще — не такие уж трудноразрешимые, если за них всерьез взяться и не увлекаться притом какой-то одной мерой, не искать панацею. Как показалось мне на упоминавшемся здесь Всесоюзном совещании в Шушенском, многие сейчас такую панацею видят в производстве всего, и вся обязательно на месте потребления. «Все свое!» И молочные фермы заведем, и свиней разведем, и помидоров сколь угодно в теплицах вырастим, и!..

Я не сомневаюсь, что все это нужно. Но в определенных, экономически обоснованных пропорциях. Почему бы, в самом деле, не вырастить на месте картошку, если специалисты, тем более, утверждают, что и качество ее лучше, чем у привозной, и хранится она лучше?! Или почему бы не вырастить в нужном количестве капусту, если она хорошо растет?! Но, с другой стороны, почему бы и не завести на БАМ и в другие северные места среднеазиатскую капусту в мае, не дожидаясь, когда в сентябре своя поспеет?

В докладах упомянутой уже конференции мне лично остро не хватало экономического подхода. А в принципе сейчас, разумеется, все можно вырастить — даже апельсины и бананы на берегу Ледовитого океана.

И какие бы конкретные решения относительно путей нормального обеспечения бамовцев витаминами ни были приняты — а с такими решениями мы явно и сильно запоздали, — нельзя не видеть, что создание крупных хозяйств непосредственно на местах, кроме очень больших вложений, потребует и длительного времени. А кормить надо сейчас. А многие «витаминоносители» обойдутся куда дешевле при их завозе издалека. А некоторые и вообще растут сегодня лишь вдалеке.

На северных рынках не раз приходилось мне видеть южные овощи и фрукты, доставляемые туда весьма инициативными людьми и сбываемые по ценам, которые человека с «материка» бросают в дрожь. Так, на магаданском рынке в июне я видел зеленые абрикосы по цене десять рублей килограмм, черешню по двенадцать-пятнадцать рублей и дыньки «колхозница» из Ленкорани — по пятнадцать рублей за килограмм.

Почему государственная торговля или «Урсы-Орсы» не могут организованно завезти соответствующую продукцию в большом количестве и продать ее по ценам, в несколько раз ниже этих базарных цен? Такой вопрос я задавал многим и во многих местах. Получал, естественно, разные ответы. И сложилось у меня твердое убеждение, что никаких непреодолимых причин нет. Говорят, не выделили фондов, нет транспорта... А в

той же Средней Азии те же — и, конечно, лучшего качества — помидоры, что идут на магаданском рынке по восемь-десять рублей, стоят в это время буквально копейки и их некуда деть. И в то же самое время самолеты с запада летят полупустыми, потому что поток пассажиров на запад в это время многократно преобладает над встречным.

Я не зря вспомнил Среднюю Азию. Именно она, по глубокому моему убеждению, должна стать главным поставщиком витаминов на БАМ и на азиатский север вообще. И в весеннюю, и в осеннюю, и в зимнюю пору. При хорошем использовании природных условий Средней Азии «свежие» витамины могут быть на столе круглый год. Замечу, кстати, что круглогодичное снабжение Севера «живыми» витаминами было бы не только большой помощью Северу, но и помощью самой Средней Азии — в использовании ее громадных избыточных сельских трудовых ресурсов в «межсезонье».

Нет никакого сомнения, что такой путь снабжения северян вообще, бамовцев — в частности и особенности куда выгоднее полного их снабжения за счет собственных теплиц, которые дают очень дорогую продукцию и совсем не того качества. Замечу мимоходом, что один квадратный метр теплицы в Норильске стоит 400 рублей, а там, кстати, тепличное хозяйство ведется в больших размерах и рентабельнее, чем в других местах. Овощи и фрукты на Север выгодно возить с Юга даже по тарифам пассажирского авиабагажа, не говоря уже о специализированных авиаперевозках.

Не хочу, чтобы меня поняли так, что я, выступая против панацеи, сам предлагаю панацею — все возить с юга. Совсем нет. Все должно быть в разумных пропорциях, определяемых, в частности, сравнительной экономикой. Много можно и нужно производить на местах. В частности, молоко. И стоило бы позаботиться о сохранении и развитии того небольшого сельского хозяйства, которое было в зоне БАМа, К сожалению, это слабенькое сельское хозяйство переживает сейчас трудные времена. Главная причина этого — громадные контрасты в оплате труда между сельским хозяйством и транспортным бамовским строительством, которые буквально выметают из сельского хозяйства и без того крайне малочисленную рабочую силу. В связи с этим мне хочется «под занавес» внести сугубо конкретное предложение: установить для работников сельского хозяйства в зоне БАМа «бамовские» коэффициенты к зарплате. Есть смысл рассмотреть и вопрос о размерах «основных» ставок в сельском хозяйстве этой зоны...

Тот шофер, что уезжал с БАМа и разговаривал со мной в аэропорту, прожил на трассе два года. Очень многие уезжают после трех лет — когда кончаются договора, подходит время получать автомашину (здесь приняты «целевые взносы» на них), когда появляются дети, а женам надоедает здешнее (прекрасное для гостей) снабжение. Уезжают специалисты. Их замещают люди, как правило, низкой квалификации, а иногда

— и без специальности. Через три года они тоже станут хорошими специалистами. Не уедут ли они тоже? При таком взаимозамещении потери чрезвычайно велики, но они «скрыты», в глаза не бросаются, и мало кто связывает даже в сознании эти потери с недостатками витаминов и микроэлементов.

Уверен, что на одном лишь сокращении текучести строителей БАМа, будущих его эксплуатационников и работников грядущих ТПК зоны магистрали можно сэкономить во много раз больше, чем нужно средств для нормального витаминного обеспечения этой зоны.

Отдавши эту статью в редакцию, еду в очередной раз на БАМ. Уверен, разумеется, что здесь произошли большие изменения. Ожидания меня не обманывают. Изменения произошли во многом. Но — не в снабжении овощами и фруктами.

В Северо-Муйске, там, где строится пятнадцатикилометровый тоннель, уникальный для нашей страны, молодая женщина, гуляющая с ребенком, говорит мне: «Подумать только — на дворе сентябрь, а в магазинах — ни капусты, ни картошки, ни овощей, ни фруктов, ни даже соков! (Все это я вижу и сам, но мне интересно, как оценивают такое положение сами северомуйцы.) Ну как же жить тут с детьми!? Ведь свежего молока тоже нет. Да и за все лето были два дня огурцы и два — помидоры, о качестве и говорить нечего, да и за теми надо было полдня выстоять. Были еще несколько дней персики, да вот на днях завезли яблоки. В будущем году у мужа кончается срок договора, думаю — уедем».

Замечу, что из тех, у кого сроки договора уже кончились, с БАМа уехало около половины. Конечно, дело тут не только в «витаминах», но и в них тоже. Недосток на БАМе витаминов станет стране куда дороже, чем самые дорогие овощи и фрукты, хоть завезенные из самых отдаленных районов, хоть произведенных на месте.